

Семен Михайлович Буденный
Первая конная армия
Серия «Путь русского офицера»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654185
Первая конная армия / С.М. Буденный.: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-4444-1998-4, 978-5-4444-8263-6, 978-5-4444-0217-7

Аннотация

Предлагаемая читателю книга С.М. Буденного рассказывает о молодости будущего маршала-кавалериста, о службе в Русской императорской армии, о боях в годы Первой мировой войны, о рождении и становлении Первой конной армии. Впервые эта книга увидела свет в 1959 г., это обстоятельство обуславливает наличие в книге идеологических штампов и недосказанностей, вместе с тем автор живо и красочно рисует картины боев Гражданской войны, рассказывает о своих отношениях с лидерами партии большевиков.

Содержание

От автора	4
I. До великого Октября	5
II. Сальские партизаны в борьбе за власть Советов	22
III. От партизанских отрядов к регулярным частям	43
IV. Разгром белой армии Краснова	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Семен Михайлович Буденный

Первая конная армия

От автора

В 1917 году капиталистический мир был потрясен гигантским событием – Великой Октябрьской социалистической революцией в России, положившей начало новой эры во всемирной истории – эры социализма. В ожесточенной борьбе с царским самодержавием и буржуазно-помещичьим строем рабочий класс нашей страны в союзе с трудящимся крестьянством под руководством Коммунистической партии и великого Ленина ликвидировал гнет, насилие и эксплуатацию человека человеком и провозгласил Советское социалистическое государство. В огне Гражданской войны, навязанной свергнутыми классами и международным империализмом, советский народ создал армию нового типа, которая отстояла великие октябрьские завоевания, покрыв свои боевые знамена неувядаемой славой.

История Октябрьской революции и защиты Советского государства насыщена выдающимися подвигами трудового народа, описание которых возможно только в десятках томов исторической и художественной литературы. Сознывая это, я не ставил себе целью освещать даже ход борьбы с контрреволюцией на всем юге России, а лишь решил поделиться с читателями воспоминаниями о событиях, непосредственным участником которых я был. Основное место в первой книге отводится созданию и боевым действиям советских кавалерийских частей и соединений, которыми мне выпала честь командовать при разгроме белогвардейских армий генералов Краснова и Деникина. Материалом для написания книги послужили личные воспоминания и архивные документы. Выражаю глубокую благодарность моему ближайшему помощнику в работе над книгой майору Степану Николаевичу Молодых и полковнику запаса Степану Васильевичу Чернову за их большой труд по подбору и систематизации необходимых мне документов.

Свою скромную работу я посвящаю светлой памяти бойцов, командиров и политработников Красной Армии, павших в боях за свободу и независимость Советского государства.

С.М. БУДЕННЫЙ
28 января 1958 года

I. До великого Октября

1

Вскоре после отмены крепостного права мой дед, крестьянин слободы Харьковской, Бирючинского уезда, Воронежской губернии, вынужден был покинуть свои родные места: подати и выкупные платежи, которые ему приходилось платить за одну десятину полученной им земли, оказались непосильными. Бросив свое разоренное хозяйство, дед с тремя малолетними детьми – в числе их был и мой двухлетний отец – перебрался на Дон. Но и здесь, в богатом казачьем крае, для пришлых или, как их называли, иногородних крестьян, жизнь была не легче.

Вся земля на Дону издавна принадлежала казакам и помещикам. Уделом иногородних было батрачество. В поисках сезонной работы они метались по краю. Среди привилегированного казачества иногородний крестьянин-батрак был совершенно бесправным человеком. Казак мог безнаказанно избить и даже убить его. А каких только налогов ни придумывали казацкие атаманы для иногородних: за землянку – налог, за окно – налог, за трубу – налог, за корову, овцу, курицу – налог.

Отец мой, Михаил Иванович, как и дед, всю жизнь работал батраком. В молодости, не имея своего собственного угла, он кочевал по Дону из станицы в станицу в поисках работы, а женившись на крестьянке из бывших крепостных слободы Большой Орловки, Меланье Никитичне Емченко, обосновался в хуторе Козюрин, недалеко от станицы Платовской. На этом хуторе я родился в 1883 году и прожил тут до 1890 года, когда нужда заставила нашу семью отправиться на Ставропольщину. В том же году мы вернулись на Дон и поселились на хуторе Литвиновке (Дальний), расположенном на правом берегу реки Маныч, в сорока километрах к западу от станицы Платовской. Здесь в девятилетнем возрасте меня определили мальчиком в магазин купца первой гильдии Яцкина, бывшего коробейника, владевшего, кроме магазина, тремя тысячами десятин земли, которую он арендовал у казаков.

Днем я был на побегушках у хозяина и приказчиков, а вечером, когда все мои однолетки уже спали, мыл грязные, затоптанные, заплыванные полы магазина. Потом – я тогда уже был подростком – хозяин послал меня работать в кузницу.

Работая в кузнице подручным кузнеца и молотобойцем от зари до зари, я не мог ходить в школу, а учиться хотелось, и я начал постигать грамоту с помощью старшего хозяйского приказчика Страусова. Он взялся научить меня читать и писать, и за это я должен был убирать его комнату, чистить обувь, мыть посуду, в общем выполнять обязанности прислуги. После работы я оставался в кузнице и при свете каганца учил заданные мне Страусовым уроки.

Трудно это было после тяжелого рабочего дня. Глаза слипались, и, чтобы не уснуть, я с букварем в руке становился коленями на наваленную в кузнице груды антрацита или окатывал себя водой.

Уже юношей я работал у того же купца Яцкина на локомобильной молотилке смазчиком, кочегаром, а потом и машинистом.

Осенью 1903 года меня призвали в армию. Я призывался в Бирючинском уезде Воронежской губернии, в той волости, откуда был родом мой дед и где мы получали паспорта. В числе новобранцев, призванных на службу в кавалерию, меня направили из г. Бирюча в Маньчжурию. Мы прибыли туда в январе 1904 года, когда уже началась Русско-японская война. Где-то между Цицикаром и Харбином из нашего эшелона была отобрана партия ново-

бранцев для пополнения 46-го казачьего полка. В этом полку, стоявшем на охране коммуникации русской армии в Маньчжурии и несшем службу летучей почты, я прослужил до конца войны, участвовал в нескольких стычках с хунхузами.

После окончания войны 46-й казачий полк отправился обратно на Дон, а нас, молодых солдат, служивших в нем, перевели в Приморский драгунский полк, расквартированный в селе Раздольном, под Владивостоком.

Во время моей службы в Приморском драгунском полку произошла первая русская революция. Революционные выступления происходили и в воинских частях, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, и особенно на кораблях военно-морского флота. Мы, драгуны, узнавали об этом из прокламаций, которые по утрам находили у себя в казармах. Из революционных лозунгов самую горячую поддержку среди нас, в большинстве крестьян, встречал лозунг: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!»

В 1907 году командование полка направило меня в Петербургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Тогда в кавалерийских полках была должность наездника, обязанного вести инструкторское наблюдение за выездкой молодых лошадей. Таких вот наездников-инструкторов и готовила школа, в которую меня послали. Окончание этой школы сулило мне возможность избавиться от тяжелой доли батрака, ожидавшей меня дома после возвращения с солдатской службы: полковой наездник, отслуживший свой срок, всегда мог устроиться берейтором (тренером) на какой-нибудь конный завод.

Проучившись в школе около года, я хорошо усвоил правила работы с лошадью и на соревнованиях занял первое место по выездке молодых лошадей. Это давало мне право, пройдя второй год обучения, остаться в школе на должности инструктора-наездника. Но полку нужен был свой наездник, и, не желая терять его, командование полка поспешило отозвать меня из школы: хватит, мол, учиться, раз уже вышел при зачетах на первое место.

В школе мне присвоили звание младшего унтер-офицера. Вернувшись в полк, я занял должность наездника и вскоре получил звание старшего унтер-офицера. По должности я пользовался правами вахмистра.

Прошел срок службы, но я остался в Приморском драгунском полку как сверхсрочник. Летом 1914 года мне был дан отпуск с правом выезда в станицу Платовскую, куда к тому времени переехал отец с семьей.

Вскоре после того как я приехал домой, началась Первая мировая война. Она прервала мой отпуск, но в свой полк я уже не мог вернуться. По существовавшему тогда положению я как унтер-офицер сверхсрочной службы, находившийся в отпуску, в первый же день объявления мобилизации должен был явиться в местное воинское присутствие и получить направление в войсковую часть.

Вместе с мобилизованными из запаса меня направили в город Армавир – к месту расположения запасного драгунского кавалерийского дивизиона. Этот дивизион готовил пополнение (маршевые эскадроны) для действующих на фронте частей Кавказской кавалерийской дивизии.

Еще по пути к месту назначения некоторые мобилизованные открыто выражали свое недовольство царской политикой, втянувшей Россию в ненужную ей войну. В запасном дивизионе это недовольство резко усилилось и дошло до открытого возмущения. Поводом к нему послужил следующий случай.

Однажды утром, когда солдаты дивизиона заканчивали уборку лошадей, к коновязям подъехал в экипаже офицер маршевого эскадрона.

– Смирно! – подал команду вахмистр и пошел навстречу с рапортом.

Офицер был так пьян, что едва вылез из экипажа. Ему показалось, что вахмистр недостаточно расторопен, и он обрушился на него с грубой бранью. Разбушевавшись, офицер выхватил револьвер, ткнул им в побледневшее лицо вахмистра.

– Застрелю, сволочь!

Это взорвало солдат. В один миг все три эскадрона набросились на офицера и буквально растерзали его на месте. Возмущение на том не кончилось. Всем было известно, что в тюрьме, расположенной по соседству с дивизионом, сидят люди, открыто выступившие против империалистической войны и самодержавия. Возбужденные расправой с офицером, солдаты маршевых эскадронов бросились к тюрьме, разогнали стражу и выпустили заключенных.

К месту происшествия прибыли конная и пешая жандармерия и полиция, но они оказались не в силах усмирить солдат.

Спустя несколько дней запасный кавалерийский дивизион был оцеплен ночью крупными силами жандармерии. С рассветом начались допросы. От солдат требовали выдать зачинщиков и подстрекателей. Но солдаты не выдали своих товарищей. Следствие было прекращено. Никто из солдат не понес наказания. Дело ограничилось тем, что командование поторопилось отправить маршевые эскадроны в части действующей армии.

2

В начале сентября мы прибыли на Западный фронт. Наши маршевые эскадроны были распределены по частям Кавказской кавалерийской дивизии, которая действовала западнее Варшавы, в направлении города Калиш. Дивизия была двухбригадного состава, и в нее входило четыре полка – три драгунских и один казачий. Меня назначили в 18-й Северский драгунский имени короля датского Христиана IX полк взводным унтер-офицером 5-го эскадрона. Я попал в третий взвод, которым командовал поручик Кучук Улагай, по национальности карачаевец. Командиром эскадрона был кабардинский князь ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов. Полком командовал полковник Гревс, а дивизией – генерал-лейтенант Шарпантье.

Даже мы, солдаты, вскоре убедились в полной бездарности командования дивизии, состоящего преимущественно из офицеров иностранного происхождения и кавказских князьков.

Это было в начале ноября 1914 года. Кавказская кавалерийская дивизия, продвигаясь на запад из района Конин, получила задачу овладеть местечком Бжезины. Наш 5-й эскадрон находился в головном отряде полка.

В ночь с 7 на 8 ноября командир эскадрона ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов вызвал меня к себе и приказал готовить взвод в разведку в направлении местечка Бжезины. При этом он предупредил, что так как командир взвода поручик Улагай страдает животом, или, как он сказал, «медвежьей» болезнью, то командовать взводом придется мне. Относительно болезни Улагая у нас сомнений не было: он не раз уже под различными предлогами избегал участия в бою.

В два часа ночи наш взвод выступил в указанном направлении. Справа от нас действовал такой же разъезд 17-го Нижегородского драгунского полка; слева – разъезд 16-го Тверского драгунского полка. К утру мы достигли Бжезины и скрытно расположились на опушке леса в пятистах метрах южнее местечка. По шоссе, которое пересекает Бжезины, непрерывной лентой двигались немецкие обозы. Они состояли из больших, доверху нагруженных фургонов в упряжке из четырех лошадей цугом, как в артиллерии. На каждом фургоне, кроме ездового, сидело еще четыре вооруженных солдата.

Увидев, что обстановка благоприятствует для нападения на противника, я послал солдата с донесением к командиру эскадрона. Вернувшись, солдат передал устное распоряжение ротмистра – продолжать скрытно от противника вести наблюдение за ним.

Немецкие обозы все двигались и двигались. Свыше часа я вел наблюдение и после этого вновь послал донесение. Однако и на этот раз командир эскадрона повторил свое приказание – наблюдать за противником и ни при каких обстоятельствах не обнаруживать себя.

После двух часов наблюдения я послал к командиру эскадрона солдата с просьбой разрешить атаковать обоз силами взвода. Ротмистр вновь предупредил, что мы не должны предпринимать какие-либо действия, а когда я через некоторое время повторил свою просьбу, он категорически запретил атаку и приказал больше донесений не посылать, так как, мол, обозы противника у него на виду и он сам знает, что и когда предпринимать.

И действительно, выехав на восточную опушку леса, я увидел невдалеке на возвышенности группу офицеров и генералов во главе с начальником дивизии Шарпантье, рассматривавших в бинокли немецкий обоз.

Мне ничего не оставалось больше, как вернуться ко взводу и продолжать вести бесцельное наблюдение.

Часа два по шоссе шли немецкие обозы, и все это время мы стояли и наблюдали за ними – вся Кавказская дивизия во главе со своим командованием.

Обозы двигались уже не сплошной колонной, а группами с небольшими промежутками.

На свой страх и риск я решил силами взвода (33 человека) атаковать группу обоза немцев, следовавшую из Бжезины. Выдвинувшись для атаки на опушку леса, мы увидели немецкую батарею на конной тяге, двигавшуюся впереди обозов, примерно в трехстах метрах. Трое конных артиллеристов направились в нашу сторону. Это грозило сорвать успех атаки. Однако, не доезжая леса, конные немцы повернули на шоссе и, догнав свою батарею, скрылись за поворотом. Обоз приближался. Внезапной и стремительной атакой взвод сбил головные повозки с дороги и повернул всю колонну в сторону расположения командования нашей дивизии. Оказалось, что хвост обоза прикрывала рота немецкой пехоты с двумя станковыми пулеметами. Раздумывать было некогда, и я немедленно повел драгун в атаку на прикрытие немецкого обоза. Атака была настолько неожиданной, что пехота противника не успела развернуться и открыть огонь. Побросав винтовки, немецкие солдаты сдались в плен. Два офицера оказали сопротивление и были зарублены. Мы захватили около двухсот пленных, из них два офицера, повозку с револьверами разных систем, повозку с хирургическими инструментами и тридцать пять повозок с теплым зимним обмундированием.

Подобрав двух наших солдат, убитых в этом бою, и сложив на повозки брошенное немцами оружие, мы направились с пленными в расположение своей дивизии. Но, выдвинувшись на опушку леса, я увидел, что нашей дивизии нет, а на высоте, где недавно стояло командование дивизии, рвутся фугасные и шрапнельные снаряды. Огонь вела батарея противника, которую мы пережидали, чтобы атаковать обоз.

Немецкие артиллеристы обнаружили нас и перенесли огонь в нашу сторону. Стреляли они неудачно. Снаряды делали большой перелет и рвались, не причиняя нам вреда. Однако из Бжезины начала выдвигаться большая колонна пехоты противника, и нам пришлось поскорее убраться с шоссе, чтобы не попасть под ее огонь.

Прибыв со взводом к месту расположения дивизии, мы обнаружили там только брошенные эскадронные кухни и конногорную пушку с обрубленными постромками. Почему дивизия отступила, мы не поняли, но по оставленным в пути повозкам с овсом, крупой и различными продуктами видно было, что отступала она поспешно.

Догоняя дивизию, наш взвод подбирал по пути все, что было брошено ею. На одном кладбище мы с почестями похоронили своих убитых солдат. Только на третий день взвод догнал свой полк, отступивший от Бжезины почти на сто километров.

За бой под Бжезинами все солдаты взвода были награждены: одни Георгиевскими крестами, другие медалями «За храбрость». Меня наградили Георгиевским крестом 4-й степени.

Награжден был солдатским крестом и командир эскадрона ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов, хотя участие его в бою состояло только в том, что он убегал от противника. Бой произошел в Михайлов день, а ротмистра Крым-Шамхалова-Соколова, принявшего православную веру, звали Михаилом. Драгуны шутили:

– Видно, неудобно было обойти именинника.

Царская военная печать, освещая события на Западном фронте, писала, что доблестная Кавказская кавалерийская дивизия лихой атакой под Бжезинами разгромила немцев, захватив большие трофеи. При этом захваченные нашим взводом трофеи были увеличены в сообщении ровно в десять раз.

Я спросил Улагая:

– Почему пишут неправду?

– Для ободрения духа, – сердито ответил поручик. – Ведь это первая победа нашей дивизии над немцами.

3

В конце ноября 1914 года Кавказскую кавалерийскую дивизию перебросили по железной дороге в район Тбилиси для боевых действий на Турецком фронте. Наш 18-й Северский драгунский полк расквартировался в немецкой колонии Александрдорф и больше месяца простоял здесь в ожидании отправки на фронт.

Это время службы в царской армии осталось в моей памяти самым мрачным.

Еще на Западном фронте офицерский состав нашей дивизии вел праздный образ жизни и мало интересовался тем, как живут солдаты. По прибытии в Тбилиси офицеры совсем разложились. На глазах солдат они пьянствовали, азартно играли в карты, развратничали. Существовавшая в царской армии система содержания войск давала офицерам возможность свободно распоряжаться деньгами, которые отпускались на содержание солдат и лошадей. Деньги офицерами пропивались и проигрывались в карты, а солдаты голодали. В Александрдорфе дело дошло до того, что солдатам нашего полка совершенно прекратили приготавливать пищу, а лошадям – выдавать фураж.

Помню, как однажды при мне вахмистр эскадрона Бондаренко обратился к ротмистру Крым-Шамхалову-Соколову с просьбой отпустить деньги на питание солдат:

– Голодают солдаты, ваше высокоблагородие.

Ротмистр нецензурно выругался, а затем выбросил из кармана три рубля и крикнул:

– На, купи им телегу дров, пусть грызут!

Вскоре после этого вахмистр Бондаренко по болезни уехал из полка, а исполняющим обязанности вахмистра остался старший унтер-офицер Хестанов. Это был унтер-пришибеев в самом худшем виде, презиравший солдат и пресмыкавшийся перед офицерами.

С первого же дня прибытия в полк Хестанов возненавидел меня за доброе отношение к солдатам и не упускал случая, чтобы чем-нибудь опорочить. Как это ни трудно было мне, но обычно я сдерживался в обращении с ним. И все-таки Хестанов довел меня до того, что я не выдержал и чуть было не поплатился за это своей головой.

Однажды во время занятий по стрелковому делу, проводившихся вблизи коновязей, солдаты задали мне вопрос, который не сходил у них с уст: когда же наконец кончатся голодовки, когда же наконец их будут кормить по-человечески?

Что я мог ответить?

Увидев подходившего к нам Хестанова, я сказал:

– Вот идет вахмистр. Поставьте этот вопрос перед ним сами. Я уже много раз говорил ему об этом, а толку нет. Только говорите не по одному а все разом.

Солдаты так и поступили.

Когда Хестанов подошел, я скомандовал: «Встать!» Он посмотрел на людей и приказал садиться. Солдаты сели и все в один голос спросили:

– Когда нас начнут кормить?

Хестанов резко повернулся ко мне:

– Это ты научил своих солдат бунтовать?

Я ответил ему, что бунта тут никакого не вижу:

– Людей не кормят уже больше месяца, и они вправе спросить, почему это происходит.

Хестанов, посинев от злости, закричал:

– Встать смирно, ты арестован! Это тебе не армавирский погром, ты у нас давно на подозрении, мерзавец! – и он ткнул мне в лицо кулаком.

Не стерпел я обиды и, вместо того, чтобы встать «смирно», развернулся и с силой ударил Хестанова. Он упал и долго пролежал неподвижно. Поднявшись, Хестанов схватился за голову и молча ушел.

Я сказал солдатам, что если кто-нибудь из них сообщит командованию о том, что я ударил вахмистра, меня предадут полевому суду и расстреляют. Солдаты молчали, пока кто-то не предложил свалить вину на коня Испанца.

Был у нас такой конь злого нрава.

Многие уже пострадали от него: кому ухо откусил, кому – палец, кого копытом хватил. И вот-де, когда Хестанов проходил по коновязи, Испанец ударил его – дневальный по конюшне видел этот «несчастный случай».

Договорившись на этом, все солдаты поцеловали клинок шашки и дали клятву, что не выдадут меня ни при каких обстоятельствах.

Какой оборот примет дело, трудно было сказать. Драгуны по опыту прошлого считали, что если командир эскадрона вызовет меня и изобьет, то под суд отдавать не будет, а если бить не станет, то значит, определенно отдаст под суд.

Я объявил перерыв для перекура. Но не успели солдаты покурить, как подошел забинтованный Хестанов, а за ним старший взводный унтер-офицер Гавреш.

Хестанов приказал построить взвод. Я построил солдат в две шеренги. Правофланговым в первой шеренге стоял дневальный по конюшне взвода Пискунов.

– Ты видел, как меня ударил Буденный? – обратился к нему Хестанов.

– Никак нет, я этого не видел, – ответил Пискунов. – Я видел, как вас ударил конь Испанец и вы упали, а затем вскочили на ноги и побежали.

Хестанов в бешенстве закричал:

– Врешь, мерзавец!

Успокоившись, он повторил вопрос, обращаясь к солдату Кузьменко, стоявшему во второй шеренге в затылок Пискунову.

Кузьменко был в нашем взводе самым неразвитым солдатом, ко всему относился безразлично. Я боялся, что он не выдержит и выдаст меня. Однако этого не случилось, Кузьменко спокойно ответил:

– Никак нет, господин вахмистр, я видел, как вас ударил конь Испанец, вы упали, а куда потом делись, не знаю.

Хестанов опросил всех солдат взвода. Все говорили одно и то же. Еще раз оглядев по очереди всех солдат, он плюнул, выругался и ушел вместе с Гаврешом.

Что доложили Хестанов и Гавреш командиру эскадрона, мы не знали, но ясно было, что Хестанов постарается отомстить мне.

Спустя два дня после происшествия меня вызвал к себе на квартиру Крым-Шамхалов-Соколов. Когда я явился к нему, он играл в карты с офицерами нашего полка.

На просьбу доложить обо мне денщик ответил:

– Обожди, ротмистр сейчас банкует.

Дверь в комнату была приоткрыта. Офицеры сидели за столом, на котором среди винных бутылок лежала куча денег. Я услышал, как Крым-Шамхалов-Соколов сказал:

– Вы слышали, господа, про этого негодяя?

Кто-то из офицеров спросил:

– Про кого?

– Да про Буденного, – ответил командир эскадрона. – Он избил вахмистра Хестанова, и вот я сейчас вызвал его.

– И что же ты – думаешь отдать его под суд?

– Обязательно.

Один из офицеров стал уговаривать Крым-Шамхалова-Соколова не предавать меня полковому суду, а ограничиться дисциплинарным взысканием. Тот промолчал и, закончив банк, вызвал меня.

– Буденный, – обратился ко мне командир эскадрона. – Ну-ка расскажи, как ты избил Хестанова?

Я ответил, что Хестанов с самого начала моего прибытия в полк почему-то относится ко мне неприязненно и на этот раз нарочно придумал, что я его избил, хотя известно, что вахмистра ударил конь Испанец, – все драгуны подтвердили это.

Мое объяснение привело ротмистра в ярость, похоже было, что он сейчас начнет избивать меня. Но этого не случилось. Он ограничился грубой бранью, а потом, указав на дверь, крикнул:

– Пошел вон, подлец!

Когда я возвратился во взвод и рассказал солдатам все как было, они сделали вывод, что меня отдадут под суд.

На второй день я, будучи дежурным унтер-офицером по полку, встретил ехавшего в штаб полка командира бригады генерала Копачева. Генерал знал меня по Западному фронту. Он остановил экипаж, подозвал меня к себе и спросил:

– Что ты там сделал, голубчик, что тебя предают полковому суду?

Я ответил, что меня оклеветали.

Генерал этот был очень религиозным человеком. Он покачал головой.

– О Господи, Господи! Храбрый солдат, а, видно, сделал неладное. Ну что же теперь будет, что же теперь будет?

Я ответил:

– Воля ваша, ваше превосходительство.

– Раз отдают, – вздохнул генерал, – надо идти, что же поделаешь, воля Божья.

И он поехал дальше.

Так я узнал, что меня предадут полковому суду. Ну а полевой суд в военное время мог вынести только один приговор – смертная казнь. Вопрос был лишь в том, повесят меня или расстреляют.

В штабе полка у меня был знакомый писарь Литвинов, служивший раньше в одном со мной взводе маршевого эскадрона. Я зашел к нему, и он подтвердил, что Крым-Шамхалов-Соколов рапортом на имя командира полка просит предать меня полковому суду, что вопрос фактически уже решен и судить меня будет полевой суд нашей дивизии.

Я задумал бежать из полка. Поделившись с Литвиновым своим намерением, я попросил его сообщить мне день, на который будет назначено заседание суда.

Вместе со мной решили бежать дружески расположенный ко мне Пискунов и еще два солдата. Готовясь к побегу, мы сумели раздобыть по 250 патронов на каждого. Все было готово, мы ждали только удобного для бегства момента.

Вскоре полк выступил походным порядком на город Карс.

Первый ночлег предполагался в селении Коды. Отсюда мы и решили бежать ночью. Однако положение неожиданно изменилось.

Когда мы подходили к Коды, полку приказано было выстроиться в каре. На середину полка вынесли штандарт (полковое знамя). И вдруг я слышу команду:

– Старшему унтер-офицеру Буденному на середину полка галопом, марш!

Дав шпоры коню, я поскакал к командиру полка. Когда я подъехал к нему, была подана команда:

– Полк, смирно!

Адъютант полка зачитал приказ по дивизии, в котором говорилось, что старший унтер-офицер Буденный за совершенное им преступление подлежит преданию полковому суду и расстрелу...

В глазах у меня потемнело, стремительно пронеслась мысль: «Расстрел... конец всему...»

Но адъютант, сделав паузу, продолжал:

– ...Но, учитывая его честную и безупречную службу до совершения преступления, командование дивизии решило: под суд не отдавать, а ограничиться лишением Георгиевского креста четвертой степени.

Вздых облегчения вырвался у меня из груди.

После оглашения приказа по дивизии с меня сняли Георгиевский крест. На этом дело и закончилось. Я остался на своей должности взводного унтер-офицера 3-го взвода 5-го эскадрона 18-го Северского драгунского полка.

4

Кавказская кавалерийская дивизия продолжала свой поход на Карс, откуда ее предполагалось бросить на Эрзурум, но обстановка изменилась, и полки дивизии из Карса двинулись вдоль персидской границы, в обход озера Урмия на турецкий город Ван.

В бою за город Ван я со своим взводом, находясь в разведке, проник в глубокий тыл расположения противника, а в решающий момент боя атаковал его батарею в составе трех пушек и захватил ее. За это меня вновь наградили Георгиевским крестом 4-й степени. Вместе со мной были награждены и некоторые солдаты взвода.

Разгромив турецкий гарнизон в городе Ван, дивизия двинулась на Битлис, с Битлиса на Муш, а затем на Ереван, где была погружена в вагоны и переброшена в Баку, а из Баку на Украину, в город Проскуров.

Из Проскурова мы выступили в поход на Черновицы, но дошли только до местечка Гусятин. Отсюда нас вернули в Проскуров, а из Проскурова дивизия была переброшена по железной дороге назад в Баку. Трудно сказать, чем объяснялись все эти переброски.

В Баку нашу дивизию включили в состав экспедиционного корпуса генерала Баратова и пароходами перебросили по Каспийскому морю в Персию. Экспедиционный корпус имел задачу выйти в район Багдада и соединиться с войсками англичан для совместных действий против Турции.

13 января 1916 года, выгрузившись в Энзели (Пехлеви), дивизия двинулась на Багдад.

В районе города Менделидж она вступила в бой с турецкими войсками, в результате которого вынуждена была отойти на Керманшах, куда тем временем подошел почти весь

корпус генерала Баратова. За участие в нескольких атаках под Менделиджем я был награжден Георгиевским крестом 3-й степени.

В районе Керманшаха мы около двадцати дней занимали оборону, а затем вместе со всем корпусом перешли в наступление и прорвали оборону турок.

Наша Кавказская кавалерийская дивизия быстро двигалась на Багдад, не встречая особого сопротивления войск противника. На пути встречались только отдельные конные группы курдов. Как правило, они серьезного боя не принимали, а лишь внезапными налетами тревожили наши тылы.

Мой взвод был послан в разъезд с задачей – разведать город Бекубэ и далее двигаться на Багдад. Такие же разъезды выслали вперед и другие полки дивизии.

Все разъезды благополучно достигли Бекубэ, послали донесения и продолжали движение на Багдад. Но когда мы продвинулись километров на пятнадцать от Бекубэ, посыльные, направленные с донесением к командиру эскадрона, вернулись и доложили мне, что дивизия отошла на Керманшах, а они нарвались на колонну турок, следовавшую в направлении Ханэкин. Они сообщили также, что видели, как разъезды наших соседних полков, скрытно от противника, отходили обратно.

Пришлось и нам в связи с изменившейся обстановкой повернуть назад. Подойдя к Ханэкину, мы увидели караваны выюченных верблюдов. Это были турецкие обозы. Выбрав подходящий момент, взвод атаковал два каравана верблюдов, выюки которых были загружены мукой, сухарями, галетами, хурмой и изюмом. От пленных выяснили, что впереди обозов движутся турецкие войска, для которых и подвозилось продовольствие. Нам стало ясно, что идти на соединение со своим полком по большой дороге нельзя – надо отклониться в сторону и прорываться где-то в другом месте. Двигаясь проселочными дорогами, взвод достиг селения Хирави. Отсюда мы начали вести разведку с целью нащупать слабые места в расположении противника.

После длительного наблюдения за турками взвод прорвался через их фронт и в селении Вариле присоединился к своей дивизии. При прорыве мы захватили в плен сторожевую заставу турок и доставили пленных в полк. В эскадроне обрадовались и очень удивились нашему возвращению. Все думали, что мы уже не вернемся: был приказ по полку, которым личный состав взвода исключался из списков части, как без вести пропавший.

Мы действовали в тылу противника двадцать два дня. За эти действия солдаты взвода получили награды. Награжден был и я Георгиевским крестом 2-й степени.

Под Керманшахом Кавказская кавалерийская дивизия и весь экспедиционный корпус генерала Баратова вновь перешли к обороне и занимали ее в этом районе более трех месяцев.

Однажды вахмистр нашего эскадрона Бондаренко, вернувшийся из госпиталя после излечения, вызвал к себе взводных унтер-офицеров и сообщил, что командир полка приказал каждому эскадрону достать «языка», то есть захватить в плен турецкого солдата или офицера. Бондаренко, конечно, имел право каждому из нас приказать идти в разведку. Но он почему-то предложил собравшимся взводным унтер-офицерам тянуть жребий – кому идти за «языком». Жребий вытянул я. Со мной должны были пойти четыре солдата. Я решил, что лучше самому отобрать людей из числа добровольцев, чем полагаться на жребий. И мне было предоставлено право выбора по одному от взвода.

Из одного взвода взять всех четырех нельзя было, так как в результате боев и болезней в подразделениях осталось мало людей. Например, у меня во взводе было всего тринадцать человек.

Выбрав из добровольцев самых надежных, я повел их на разведку обороны противника. Находясь со своим взводом продолжительное время в сторожевом охранении, я достаточно изучил турецкую оборону, состоящую из трех линий окопов, с проволочными заграждениями в три ряда перед каждой линией. Но надо было еще раз вместе с солдатами

осмотреть передний край обороны противника и выбрать участок, где легче будет захватить пленного. В результате разведки мы наметили направление движения и место, где сравнительно нетрудно было проникнуть в расположение противника.

Возвратившись из дневной разведки, мы тщательно приготовились к ночным действиям. Без шпор и шашек, вооруженные винтовками и тесаками, мы глубокой ночью прибыли в расположение сторожевого охранения полка и, оставив здесь коноводов, пошли пешком. Шли осторожно, а приблизившись к линии турецкой обороны, начали продвигаться вперед ползком. Пробрались к первой линии окопов, но противника не обнаружили. Двинулись ко второй линии – и там никого нет. Подползли к третьей линии – здесь много турецких солдат: сидят и чай варят. Из окопов дым валит, как из трубы.

Притаившись, ждем, но напрасно: ни один турок из окопов не вылезает. Огорченные неудачей, возвращаемся обратно, время от времени замираем, прислушиваемся. Вдруг до нас доносится издали разговор. Знаками подаю команду двигаться в ту сторону. Ползем, и вдруг перед нашими глазами оказываются винтовки, составленные в «козлы». Вокруг винтовок спят турки. Ясно, что это – полевой караул противника. Разговор, который мы слышали, видимо, вели часовой и подчасок, высланные от этого караула. Решаю, что действовать надо быстро и тихо, так как неподалеку должна быть сторожевая застава. Посылаю трех солдат схватить часового и подчаска. Они бесшумно обезоруживают часовых, не встречая никакого сопротивления. После этого очередь доходит до полевого караула. Я забираю винтовки спящих турок, передаю их своим солдатам, а затем громко на турецком языке команду: «Встать, руки вверх!» Турки вскакивают и послушно исполняют мой приказ.

В наших руках оказалось шесть солдат и один старший унтер-офицер противника.

За смелые и успешные действия солдаты, ходившие со мной в разведку были награждены Георгиевскими крестами. Я был награжден Георгиевским крестом 1-й степени и таким образом стал обладателем полного банта георгиевского кавалера.

5

В конце марта 1917 года Кавказская кавалерийская дивизия сосредоточилась в персидском порту Энзели (Пехлеви) для отправки в Россию.

При погрузке полка на пароходы один из младших офицеров, недавно прибывших в наш полк, сообщил мне «по секрету», что в России произошла революция, в результате которой царь лишился престола и страна объявлена республикой. Этот «секрет» скоро стал достоянием всех солдат, их главной темой в разговорах. Солдаты и унтер-офицеры собирались группами и оживленно обсуждали дошедшие до них новости из России. Были еще солдаты, считавшие, что император – «ставленник Божий». Они удивлялись: «Как это царя можно лишить престола?» «Тут что-то непонятно», – говорили эти солдаты. Но сомнениям их скоро пришел конец. После погрузки лошадей, вооружения и имущества полка на пароходы командир нашего эскадрона подполковник Нестерович, сменивший под Керманшахом ротмистра Крым-Шамхалова-Соколова, убывшего в отпуск, собрал солдат эскадрона и официально сообщил, что царь отрекся от престола и создано Временное правительство, которое будет управлять страной до созыва Учредительного собрания.

Нестерович говорил, что наступило тяжелое для России время, что немцы наводнили нашу страну шпионами и подстрекателями, чтобы сеять смуту и тем облегчить себе захват русской земли.

Он призывал солдат не вмешиваться в революцию и сохранять полное повиновение своим командирам с тем, чтобы довести войну с немцами до победного конца. «Независимо от того, – говорил он, – какое правительство будет стоять у власти, мы все свои силы должны направить на выполнение святого солдатского долга».

Вся его речь сводилась к тому, что наше дело защищать страну от врага, а революция нас не касается. Однако всю дорогу на пароходе из Персии до Баку солдаты только и толковали о том, что раз царя уже нет, значит, и войне скоро конец.

Родина встречала нас штормом. Волны с грохотом ударялись о борт парохода. Он вздрагивал всем корпусом, скрипел, тяжело переваливался с боку на бок. Солдаты, не испытывавшие в своей жизни морской качки, болезненно переживали ее. Многих тошнило, набожные крестились и шептали молитвы. Лошади волновались, при ударах волн приседали, всхрапывали и били копытами.

В трюме было темно, сыро и нестерпимо душно. Я открыл люк и выбрался наверх. Бурные потоки воды с шумом катились по палубе, ветер пронзительно свистел в снастях. Судно вдруг резко накренилось. Огромная волна, обрушившаяся на палубу, сшибла меня с ног и захлопнула люк трюма. Не знаю, каким чудом я не оказался за бортом парохода. Перевернувшись несколько раз, я как-то успел ухватиться за толстый пеньковый канат, натянутый по краю палубы, и укрыться за палубной надстройкой.

Нам было известно, что в Баку полк пробудет суток трое. Однако, когда пароход вошел в порт, объявили, что в этот же день будем грузиться в вагоны. Такая поспешность, очевидно, была вызвана желанием командования изолировать солдат от народа. В городе проходили демонстрации и митинги. Мы видели шествия большой массы людей с красными флагами и различными лозунгами.

Выкрики ораторов, гудки пароходов, свистки маневровых паровозов и лязганье буферов вагонов – все это создавало невообразимый шум, сопровождавший выгрузку полка в Баку.

Какой-то оратор, пробравшись к нашему пароходу, собрал вокруг себя солдат и обратился к ним с речью. Он ратовал за поддержку Временного правительства и так же, как Нестерович, призывал довести войну с Германией до победного конца.

Я прогнал оратора и велел солдатам заниматься своим делом. Прогнал я его, конечно, не потому, что он меньшевик или эсер – тогда я еще не мог различить, к какой партии принадлежит оратор, – а просто потому, что торопился с выгрузкой лошадей с парохода и погрузкой их в вагоны.

Поздно вечером весь наш полк погрузился в эшелоны. Мы ждали отправления. Я присел отдохнуть у приоткрытых дверей вагона на тюк прессованного сена. Возле соседнего классного вагона собрались офицеры полка. Они делились впечатлениями о событиях в России. Вокруг было тихо, и я отчетливо слышал весь их разговор.

– Да, – сказал один из них, – монархия в России канула в вечность. Толпе развязали руки. Видели, господа, что делается! Весь этот необузданный сброд с крамольными лозунгами и криками бродит по улицам, попирает все на свете... Нет, нынешней Россией царь и особенно такой безвольный пьянчужка, выродок дома Романовых, управлять не может. России нужен диктатор, который бы твердой рукой навел порядок и посадил каждого на свое место.

– Ну а пока этого нет, – заговорил другой офицер, – мы должны присягать на верность Временному правительству, присягать фабрикантам и заводчикам, для которых нет ничего выше, как стремление к наживе. За барыши они готовы продать все что угодно – честь, совесть, армию и Россию. Как присягать этим болтунам и демагогам? Как, господа, присягать правительству, которому не веришь, которое уже сейчас разлагает армию, хотя и пустозвонит о войне до победы?.. Введение так называемых солдатских комитетов подорвет всякую дисциплину и превратит армию в сброд, подобный тому, который мы видим на улицах Баку. Офицера, по существу, лишают права командовать и превращают в пешку в руках солдатского комитета.

– А что значит отмена титулов? – вмешался третий офицер. – Это же неслыханное надругательство над честью дворянина! Теперь солдата я должен называть господином. Да помилуйте, какой же он, к черту, господин! Он был и останется свинопасом, не больше, чем сознательной скотиной! Обратитесь к солдату на «вы» – да он просто не поймет вас. Господин генерал, господин офицер, господин солдат – это позор, а не реформа, как преподносят нам временщики!

Этот случайно услышанный мною разговор глубоко задел меня, особенно возмутили меня офицерские рассуждения о свинопасах.

Ненависть батрака вспыхнула во мне ко всем этим чванливым благородиям, дармоедам, пиявкам на теле народа. Видите ли, я для них лишь скотина.

Презрительное отношение офицерства к простым труженикам я воспринял не только как оскорбление трудового народа, но и как личную обиду. Вскоре эшелоны двинулись к месту новой дислокации дивизии – в район города Тбилиси.

Наш 18-й Северский драгунский полк расквартировался в Екатеринофельде, в сорока пяти километрах от Тбилиси. Здесь полк был приведен к присяге Временному правительству и здесь же были проведены выборы в эскадронные, полковые и дивизионные солдатские комитеты. Меня избрали председателем эскадронного и членом полкового комитетов.

Прошло несколько дней, как мы вернулись в Россию. Солдаты уже начали разбираться в происходящих на родине событиях. Напрасно наш командир эскадрона подполковник Нестерович убеждал солдат, что Ленин – шпион, завербованный немцами и посланный ими в Россию в опломбированном вагоне для руководства смутьянами и подстрекателями. Напрасно клеветали на Ленина и меньшевики, и эсеры, и кадеты. Мы рассуждали так: раз все мироеды клеветают на Ленина, значит, он против них, значит, он наш. Солдаты расходились только в одном: некоторые считали, что Ленин из рабочих, другие утверждали, что он крестьянин, а третьи – их было много – говорили, что Ленин унтер-офицер, артиллерист, лейб-гвардеец.

Во время выборов в солдатские комитеты к нам приехал старый большевик Филипп Махарадзе. От него мы узнали правду о Ленине, как о вожде рабочих и крестьян.

Махарадзе призвал солдат посылать в свои комитеты людей, готовых бороться против войны. Высмеивая лозунг, который проповедовали наши офицеры – «Армия вне политики», – он обращался к нам, к рабочим и крестьянам, переодетым в солдатские шинели, и спрашивал: может ли крестьян не интересовать вопрос о земле – дадут им землю или нет, может ли рабочих не интересовать вопрос о том, кому будут принадлежать фабрики и заводы?

Между прочим Махарадзе заявил нам, что командование нашего полка творит беззаконие, требуя, чтобы солдаты, как и прежде, титуловали офицеров и генералов благородиями, высокоблагородиями и превосходительствами. Мы знали, что во всех полках дивизии уже изданы приказы об отмене титулования, только наше командование упорствовало, и это очень возмущало солдат.

В этот день вечером в помещении офицерского собрания командование полка устроило бал по случаю возвращения в Россию из Персии. На бал были вызваны трубачи и хоры песенников от каждого эскадрона. В числе гостей командования полка были князья и княгини, приехавшие из Тбилиси, офицеры и генералы нашей дивизии, а также других воинских частей и соединений.

Возмущенные солдаты в разгар бала явились толпой в офицерское собрание и потребовали, чтобы командование полка немедленно издало приказ об отмене титулов. Офицеры встретили солдат грубой руганью и зуботычинами. Разгорелся кулачный бой, во время которого какой-то офицер убил одного солдата выстрелом из револьвера. В ответ на этот выстрел солдаты дали залп по офицерскому собранию. Один офицер был убит и несколько ранено.

Расследование этого происшествия не проводилось, а приказ по полку об отмене титулов был издан на следующий же день.

В Екатеринофельде наш полк, как и все части Кавказской дивизии, пополнялся людьми, лошадьми, вооружением, занимался строевой и боевой подготовкой до первых чисел июля 1917 года, когда дивизия в полном составе была переброшена по железной дороге в город Минск.

6

По прибытии дивизии в Минск начались перевыборы солдатских комитетов. Я был избран председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета. Фактически мне пришлось исполнять обязанности председателя дивизионного комитета, так как избранный на этот пост солдат Горбатов был болен туберкулезом и вскоре после перевыборов убыл в госпиталь на лечение.

К этому времени, несмотря на то, что правительство Керенского, захватив всю власть в свои руки, начало преследование большевиков, большевистская партия развернула большую работу среди солдат на фронте и в тылу по созданию своих военных организаций, которые направляли бы деятельность солдатских комитетов.

Деятельность солдатского комитета Кавказской кавалерийской дивизии в Минске, и в частности моя как исполняющего обязанности председателя комитета, проходила под руководством военной организации большевиков Западного фронта и Минской городской парт-организации. Лично я был связан с М.В. Фрунзе, известным тогда у нас под фамилией Михайлов, который в то время был председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, членом Исполкома Минского горсовета и членом фронтового комитета армий Западного фронта, а затем, во время корниловского мятежа, начальником штаба революционных войск Минского района. Помогал мне и большевик Александр Мясников. Фрунзе и Мясников связали меня с Минским горкомом партии, приглашали на заседания Минского большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов. Я повседневно чувствовал их заботу о повышении моей политической сознательности. Они помогали мне глубже понять политику большевистской партии и разглядеть буржуазное нутро всех партий, враждебных большевикам. Работа под руководством Фрунзе и Мясникова была моей первой настоящей большевистской школой, хотя я в это время и был беспартийным.

Около 20 августа комендант города Гомеля донес по начальству, что солдаты и унтер-офицеры команд выздоравливающих, расположенных в городе, бунтуют, и просил прислать для их усмирения воинские части. Для этой цели из Минска в Гомель была направлена по железной дороге наша 1-я бригада Кавказской кавалерийской дивизии.

Накануне погрузки бригады в вагоны М.В. Фрунзе сообщил мне, что никакого бунта в Гомеле нет, а просто солдаты возмущены тем, что комендант посылает на окопные работы больных, не желает выполнить их законного требования о создании медицинских комиссий для определения трудоспособности и вообще ведет себя с солдатами вызывающе грубо.

Фрунзе сказал, что посылка бригады в Гомель ничем не оправдывается, но раз командование посылает ее, то и я, как председатель дивизионного солдатского комитета, обязательно должен ехать, чтобы предотвратить кровопролитие и добиться удовлетворения требований гомельских солдат.

— Больше того, генеральной линией здесь нужно считать роспуск солдат по домам, — заключил Михаил Васильевич свое напутствие.

В Гомеле, когда наши эшелоны остановились на товарной станции, помня напутствие Фрунзе, я заявил командованию, что прежде чем выгружать полки, нужно побывать в городе и выяснить, чем вызвано волнение среди солдат. Командир бригады генерал Копачев, бояв-

шийся кровопролития и поэтому не хотевший обострять положение в городе, охотно согласился со мною.

Я поехал в местный солдатский комитет. Председатель комитета подтвердил все, что говорил Фрунзе о причинах, вызвавших волнение в гарнизоне. Оказалось, что восемьдесят процентов солдат по состоянию здоровья не могут выполнять тяжелых окопных работ, однако комендант упорно отказывается послать их на медицинскую комиссию, не желает считаться с солдатским комитетом и всем своим поведением вызывает возмущение солдат. Конечно, нежелание солдат выходить на окопные работы объяснялось и антивоенными настроениями: солдаты и унтер-офицеры не хотели содействовать продолжению войны, которая принесла им только увечья и страдания.

Посоветовав солдатскому комитету завтра же созвать общее собрание солдат и решительно потребовать создания медицинской комиссии, условившись о времени начала собрания и порядке его проведения, я вернулся в бригаду. Генерал Копачев собрал командиров полков и эскадронов и в их присутствии выслушал мою информацию о положении в Гомельском гарнизоне. Я сообщил о назначенном на завтра собрании и сказал, что комитет считает возможным присутствие на этом собрании офицеров нашей бригады, однако он решительно возражает против вступления драгунских полков в город.

На общесолдатское собрание, происходившее на другой день, приехал комендант города. Очевидно, надеясь на помощь прибывшей бригады, он выступил с раздраженной, пересыпанной бранью и угрозами речью. Она кончилась тем, что возмущенные солдаты схватили коменданта и тут же на собрании убили его.

Председатель Гомельского солдатского комитета, выступивший затем на собрании с поддержкой требований солдат, вместе с тем осудил их расправу с комендантом. Потом слово предоставили мне. И я присоединился к осуждению учиненного солдатами самосуда.

В своем выступлении я руководствовался указаниями Фрунзе. Я сказал, что командование прислало в Гомель драгунские полки, но солдатские комитеты присланных полков считают, что нет никаких оснований для вмешательства драгун в дела гомельских солдат, что требование о создании медицинской комиссии для определения годности к службе – законное. Нельзя же на глаз определить – может ли раненый солдат выполнять окопные работы или нет. Это может сделать только специальная комиссия, в которую должны войти наряду с медицинскими работниками и представители от солдат. Возможно, она решит, что вообще всех получивших увечья надо распустить по домам. Я подчеркнул, что нет никакой необходимости держать в армии людей, негодных к службе.

Вернувшись на товарную станцию, где стояли наши эшелоны, я информировал командира бригады о солдатском собрании. Мое сообщение о расправе солдат с комендантом удручающе подействовало на офицеров бригады. Особенно был удручен генерал Копачев. Он даже перекрестился.

Ссылаясь на боевые традиции полков, защищавших Родину, а не занимавшихся жандармскими делами, я настаивал на том, чтобы бригада немедленно отправилась обратно к месту своей постоянной дислокации – в Минск. Напуганное убийством коменданта города, командование бригады вынуждено было согласиться на это.

Перед отходом эшелонов бригады из Гомеля ко мне прибыл товарищ от М.В. Фрунзе и сообщил, что большевистская организация Западного фронта получила сведения о том, что на Оршу по железной дороге движется «дикая» дивизия, которую генерал Корнилов в числе других войск пытался использовать для ликвидации Советов в Петрограде и установления в стране военной диктатуры. Эту дивизию, двигавшуюся на Петроград, революционные рабочие и солдаты задержали на станции Дно и повернули обратно. Теперь корниловцы решили направить эту дивизию в Москву через Оршу.

Товарищ, прибывший от Фрунзе, сказал, что большевистская организация Западного фронта признала необходимым задержать и разоружить «дикую» дивизию и что эта задача возлагается на дивизионный комитет Кавказской кавалерийской дивизии, в частности на меня. Я сейчас же известил о предстоящей задаче полковые комитеты и заручился их полной поддержкой.

Когда бригада прибыла в Могилев, ко мне в вагон вошел сам Фрунзе. Он повторил то, что было уже сказано мне его посланцем, и предупредил, что нужно принять все возможные меры к тому, чтобы преградить путь «дикой» дивизии на Москву, а если потребуются, не останавливаясь и перед применением оружия, но прежде всего следует разъяснить солдатам, чем вызвана необходимость разоружения дивизии. Фрунзе сказал, что по прибытии в Оршу я должен немедленно связаться с местным Ревкомом железнодорожников и действовать совместно с ним. Оршинские товарищи уже поставлены в известность о поставленной нам задаче, и нужно только информировать их о готовности бригады к выполнению ее.

– Все ясно, – ответил я Фрунзе. – Но вот в чем дело... Нетрудно подготовить солдат бригады к разоружению «дикой» дивизии, но как отнесется к этому командование бригады? Оно определенно будет против разоружения горской дивизии: во-первых, потому что не имеет на сей счет никаких установок вышестоящего командования, и, во-вторых, из-за опасения, что разоружение может привести к кровопролитию.

Фрунзе рекомендовал мне занять твердую позицию в отношении командования бригады и во что бы то ни стало добиться на основании решений солдатских комитетов дивизии и фронта частичной или полной выгрузки бригады в Орше.

Проведя с помощью полковых комитетов соответствующую подготовку солдат к предстоящей задаче, я с первым эшелоном Нижегородского полка прибыл в Оршу, где и началась выгрузка. Командир бригады генерал Копачев запротестовал, заявив, что у него нет указаний о выгрузке и бригада должна следовать в Минск.

– Не дай бог, голубчик, что случится! Кто будет отвечать?

Я ответил генералу, что мы получили указания с фронта и не можем не выполнить их; по-видимому, и он получит такие же указания, а ответственность за последствия берут на себя дивизионный и полковые комитеты. Солдаты единодушно поддерживают свои комитеты и твердо намерены задержать «дикую» дивизию, сказал я.

В конце концов генерал Копачев, командиры полков и весь офицерский состав бригады отступили, заявив, что они снимают с себя ответственность за действия солдатских комитетов. Больше они не вмешивались в дела, связанные с разоружением дивизии горцев. Офицеры, и прежде всего генерал Копачев, опасались, что, встав на путь противодействия солдатам, они рискуют разделить участь коменданта Гомеля.

На вооружении бригады имелось шесть станковых пулеметов и одна конно-горная батарея, которые немедленно были выдвинуты на огневые позиции.

«Дикая» дивизия приближалась к Орше. Ревком железнодорожников внимательно следил за прохождением каждого эшелона. Мы условились принимать эшелоны в Оршу через определенное

время, с тем чтобы иметь возможность разоружать горцев поэшелонно.

Горцы сопротивления не оказали. Может быть, они приняли требование о разоружении как приказание свыше, а может быть, пулеметы и орудия, приведенные в боевое положение, оказали свое внушающее действие.

Солдаты первых двух эшелонов «дикой» дивизии, после того как они сдали все огнестрельное оружие, были выгружены из вагонов и направлены в г. Быков пешим порядком. Остальные подразделения дивизии направлялись также в Быков, но по железной дороге.

Выполнив в Орше указание Фрунзе, наша бригада погрузилась в вагоны и отбыла в Минск.

Начальник дивизии генерал Корницкий, узнав о событиях в Орше, был страшно возмущен, он потребовал предать меня военно-полевому суду. Однако это требование натолкнулось на решительное солдатское «нет!», и вопрос о предании меня суду отпал.

После возвращения бригады в Минск начались выборы в Учредительное собрание.

Все драгунские полки Кавказской кавалерийской дивизии – Северский, Тверской и Нижегородский – проголосовали за список большевиков, только Первый Хоперский Кубанский казачий полк, входивший в состав нашей дивизии, проголосовал за эсеров. Однако не всюду на Западном фронте результаты голосования были такими.

М.В. Фрунзе, присутствовавший на заседании нашего дивизионного солдатского комитета, которое происходило после выборов, в своем выступлении сказал, что еще многие солдаты находятся под влиянием меньшевиков и особенно эсеров. Так, например, части Молодечненского гарнизона полностью голосовали за эсеров. Призывая утроить усилия по привлечению солдатских масс на сторону большевиков, Фрунзе выразил уверенность, что недолго еще эсеры и меньшевики смогут обманывать народ. В Петрограде, Москве и в других пролетарских центрах, говорил Михаил Васильевич, нарастает революционный взрыв, который сметет контрреволюционное

Временное правительство и полностью передаст власть в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

На этом заседании Фрунзе посоветовал солдатскому комитету нашей дивизии неофициально рекомендовать генералам и офицерам, особенно тем, кто наиболее реакционно настроен, оставить свои посты и без шума покинуть Минск. Генералы и офицеры, получив от нас такую рекомендацию и опасаясь расправы солдат, поспешили скрыться. Большинство командного состава нашей дивизии бежало в Польшу, где Временное правительство позволило Пилсудскому формировать свои легионы. Ярые сторонники царя бежали на юг России, рассчитывая найти там поддержку у монархически настроенных казаков. Уже чувствовалась напряженная обстановка приближавшейся пролетарской революции.

Как-то в два часа ночи секретарь Минского горкома партии Кузнецов, которого я знал как стойкого революционера и прекрасной души человека, прислал мне записку с просьбой направить к горкому надежные воинские подразделения. Эта просьба объяснялась тем, что гарнизон в Молодечно полностью голосовал за эсеров и существовала опасность захвата Минского горкома большевиками сторонниками Временного правительства.

К этому времени наше командование уже разбежалось, и фактически руководство дивизией, за исключением Первого Хоперского Кубанского казачьего полка, взял в свои руки дивизионный солдатский комитет.

К горкому был направлен эскадрон Тверского драгунского полка, наиболее твердо стоявший за большевиков. Вместе с эскадроном поехал к горкому и я.

Вскоре до нас дошла весть о победе Октябрьского восстания в Петрограде. Когда эта весть распространилась по Западному фронту, большинство казачьих частей походным порядком двинулось на Дон и Кубань. Ушел на Кубань и 1-й Хоперский казачий полк нашей дивизии. Уже было видно, что враги революции готовятся к лютой борьбе против народной власти и именно с этой целью стягивают на Дон и Кубань, на юг России казачьи полки и другие находящиеся под их влиянием вооруженные силы.

В предчувствии предстоящей на Дону борьбы с реакционным казачеством солдатские комитеты по моему предложению предприняли попытки увести Северский, Тверской и Нижегородский драгунские полки в Сальские степи. Мы рассчитывали использовать там эти большевистски настроенные полки для организации и защиты советской власти, разместив их по помещичьим экономиям округа, где можно было обеспечить солдат продовольствием, а конский состав фуражом за счет запасов помещиков и коннозаводчиков.

Задавшись этой целью, мы разъясняли солдатам, что казаки ушли не демобилизоваться, а драться за царя, и что нам ввиду этого надо не расходиться по домам, а готовиться к борьбе за советскую власть.

Однако наши попытки не увенчались успехом: слишком велика была тяга солдат к миру, к земле. Все хотели скорее вернуться домой, чтобы получить землю и строить новую, советскую жизнь.

В соответствии с этим общим желанием было принято решение о демобилизации. Дивизионный и полковые солдатские комитеты постановили выдать солдатам оружие, по комплекту обмундирования, в том числе валенки, полушубки, теплое белье и раздать все оставшиеся на полковых и дивизионных складах продукты: хлеб, сахар, крупу и т. д. После завершения этой работы солдатские комитеты нашей дивизии прекратили свою деятельность, и я уехал на родину, в станицу Платовскую Донской области, захватив с собой оружие и седло, чтобы там, на месте, бороться за власть Советов.

II. Сальские партизаны в борьбе за власть Советов

1

Нелегко было добраться из Минска до станции Платовской. Поезда ходили нерегулярно, и для того, чтобы сесть в вагон, нужна была большая изворотливость. Не успевал поезд остановиться, как на него со всех сторон набрасывались пассажиры – лезли на крыши, цеплялись и висли на подножках и буферах вагонов. Поезд долго не отправлялся. Пассажиры подымали шум, и наконец выяснялось, что паровозная бригада отказывается вести поезд дальше, так как уже несколько суток работает без смены.

Солдаты собирались группами и сами принимались формировать эшелоны. Одни разыскивали вагоны, другие – паровозы и машинистов, третьи добывали топливо и воду, а затем все размахивали перед железнодорожниками револьверами и винтовками, требуя отправки их эшелонов.

С трудом сев на поезд в Минске, я доехал до Бахмача и оттуда пешком отправился на Конотоп. Здесь мне снова удалось сесть на поезд, и после длительного путешествия через Воронеж и Царицын во второй половине ноября 1917 года я добрался до Платовской.

Как известно, первые месяцы после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Москве и других крупных промышленных центрах России советская власть распространялась по стране «сплошным триумфальным шествием».

Советы, руководимые партией большевиков, энергично осуществляли революционные меры по конфискации фабрик и заводов, по передаче крестьянам помещичьей земли. Свергнутая буржуазия частью бежала за границу, частью укрылась в окраинных районах страны, и главным образом в казачьих областях, издавна служивших опорой царского самодержавия и эксплуататорских классов.

На Дону, как и во всех казачьих областях, существовали так называемые войсковые правительства, созданные после Февральской революции и занимавшие автономную позицию по отношению к Временному правительству и резко враждебную к Советам. После образования советского правительства в России Донское «войсковое правительство» атамана Каледина начало контрреволюционную войну против Советов. Война эта особенно разгорелась, когда на Дон бежали генералы и офицеры, участники корниловского мятежа, а также главари буржуазной партии кадетов, которую В.И. Ленин называл всероссийским штабом контрреволюции.

Действуя в контакте с Украинской контрреволюционной Центральной Радой, пользуясь финансовой и военной помощью империалистов Антанты, Каледин устанавливал также взаимодействие с другими казачествами, в частности с Оренбургским, Уральским, Сибирским, Астраханским, Терским, Кубанским, куда командировал группы своих офицеров и генералов.

Контрреволюция не случайно выбрала себе в качестве плацдарма Донскую казачью область. Указывая на социальные основы донской контрреволюции, В.И. Ленин писал: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»¹.

¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 26. С. 15.

Донское казачество было самым многочисленным да, пожалуй, и самым реакционным из всех казачеств, имевшихся в России. Наличие в Донской области запасов угля, хлеба и мяса, сравнительно небольшая удаленность от других казачеств и от Москвы, а также удобные выходы к Азовскому и Черному морям делали ее исключительно выгодным плацдармом для нападения на Советскую республику.

Именно такое военно-стратегическое значение отводили Дону белогвардейцы и империалисты Антанты. Генерал Алексеев, бывший начальник штаба главнокомандующего русскими войсками, писал руководителю французской военной миссии в Киеве: «...Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления порядка в России... Я рассматривал Дон как базу для действия против большевиков»².

На первых порах борьба, начатая атаманом Калединым и его сподвижниками против советской власти, протекала небезуспешно для них. Калединцы нанесли ощутительный удар Советской России, запретив вывоз из области донецкого угля, донского и кубанского хлеба. Затем калединцы разгромили Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов и в то же время ввели в Таганрог казачью дивизию. Эти контрреволюционные действия Каледина были согласованы с мятежом атамана Дутова на Урале. Сосредоточение контрреволюционных сил на Дону создавало для советской власти большую угрозу. «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию», – так ставил вопрос В.И. Ленин³.

Советское правительство приняло решительные меры против мятежников. Районы контрреволюционных мятежей были объявлены на осадном положении.

Для борьбы с Калединым были посланы советские войска и добровольческие красногвардейские отряды рабочих Петрограда, Москвы, Харькова, Донбасса, Царицына, Воронежа. В стан мятежников направлены агитаторы из казачьих революционных частей.

Контрреволюционные главы, чтобы склонить на свою сторону рядовых казаков, запугивали их тем, что Советы хотят лишить их земли. В ответ на это Совнарком в воззвании от 10 декабря 1917 года «Ко всему трудовому казачеству», подписанном В.И. Лениным, заявил, что «Рабочее и Крестьянское Правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе Советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах»⁴.

Это воззвание Совнаркома, а также деятельность большевистских подпольных комитетов в Ростове-на-Дону, Таганроге, Миллерово и других промышленных районах области сильно способствовали отрыву трудового казачества от Каледина. Некоторые казачьи части под воздействием большевистской агитации отказывались подчиняться ему. Особенно активно выступали против Каледина казаки-фронтовики.

Большую роль в борьбе с калединщиной сыграл съезд революционных казаков, состоявшийся 8 января 1918 года в станице Каменской. На этом съезде присутствовали и ростовские большевики, эвакуировавшиеся в Воронеж после занятия Ростова белоказаками. Съезд в станице Каменской избрал Военно-революционный комитет, который предъявил Каледину ультиматум с требованием сложить свои полномочия. Председателем казачьего Военно-революционного комитета был избран казак-фронтвик подхорунжий казачьей батареи Ф.Г. Подтелков, пользовавшийся большим авторитетом среди трудовых казаков за свой прямой и открытый характер и за свои смелые революционные выступления. Секретарем комитета

² Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. I. Партиздат, 1941. С. 46.

³ Ленин В.И. Сочинения. Т. 26. С. 393.

⁴ Декреты Октябрьской революции. Партиздат, 1933. С. 261 —262

избрали молодого энергичного прапорщика 28-го Донского казачьего полка М.В. Кривошлыкова.

Эти мужественные люди в борьбе за советскую власть на Дону привлекли на сторону большевиков много донских казаков.

Усилиями советских войск и красногвардейских отрядов, а также рабочих, крестьян и революционных казаков в самой Донской области в начале 1918 года мятежная калединщина была разгромлена. Атаман Каледин накануне краха своей контрреволюционной авантюры застрелился.

Вернувшись на родину, в станицу Платовскую, я застал там много солдат, рядовых казаков и унтер-офицеров фронтовиков, вернувшихся из старой армии раньше меня. Среди них был Т.Н. Никифоров, служивший в одной дивизии со мной, член нашего дивизионного солдатского комитета, по происхождению коренной донской крестьянин Сальского округа. На фронте он проявил себя храбрым солдатом, и теперь это был молодцеватый подпрапорщик с тремя Георгиевскими крестами на груди.

Еще до моего приезда в станице состоялась сходка сторонников советской власти, и на этой сходке Т.Н. Никифоров, знавший о моей связи с Фрунзе, с Минским городским Советом и Минским комитетом большевиков, предложил подождать меня, чтобы решить, как и с чего начинать организацию советской власти в станице.

В день моего приезда в Платовскую у нас в доме собралась вторая сходка сторонников советской власти. Пришли Никифоров, Городовилов, братья Сорокины, Сердечный, Долгополов, Новиков, Лобиков, мой браг Емельян, вернувшийся из армии старшим унтер-офицером, и другие.

Рядом с Никифоровым сидел очень скромный на вид человек, с которым в дальнейшем меня близко связала общая судьба в борьбе против белогвардейщины. Это был калмык Ока Иванович Городовилов. Изрядно потрепанная форма казачьего урядника туго обтягивала его небольшую, но плотно сбитую фигуру. Строгое, с бронзовым отливом лицо Оки Иванoviча выражало сосредоточенную задумчивость.

Мне было известно, что Городовилов после действительной службы был инструктором при Станичном правлении – обучал молодых казаков искусству езды на лошади и владению холодным и огнестрельным оружием.

Около Городовилова стоял рыжеватый осанистый старший унтер-офицер пехоты Сердечный. В стороне сидели очень похожие друг на друга братья Сорокины. Младший молчал, а старший – по профессии бондарь, бедняк, славившийся в станице своей добротой, – время от времени задавал вопросы. Богатырь Новиков и степенный русобородый Долгополов переговаривались вполголоса, все время поглядывая на меня. Крутолобый начальник почты Лобиков прохаживался по комнате, приглаживая свои небольшие черные усики. Больше всех говорили Никифоров, Сердечный и я.

Речь шла о том, как избираются и работают Советы. Я поделился известным мне немного опытом Минского Совета, а потом стал расспрашивать о положении в станице и округе.

На этом небольшом совещании наша инициативная группа выбрала комитет по подготовке общего собрания населения станицы и приписанных к ней хуторов, которое должно было провозгласить советскую власть и избрать станичный Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Так как половину двенадцатитысячного населения станицы и хуторов составляли калмыки, решено было выбрать в станичный Совет пропорционально шесть человек от русских и шесть от калмыков, исходя из нормы – от каждой тысячи жителей одного депутата.

Вся подготовительная работа была проделана за несколько дней, и 12 января 1918 года состоялось общее собрание населения станицы Платовской и близлежащих хуторов. Высту-

пали многие наши активисты, выступал и я рассказывал, что такое советская власть. Зажиточные казаки пытались помешать собранию, но им это не удалось. Собрание провозгласило в станице советскую власть и предложило станичному атаману убираться вон.

Сейчас же после собрания начальник почты Лобиков и солдат Долгополов, ставший потом начальником милиции, сорвали вывеску «Станичное правление» и прикрепили красное полотнище с надписью: «Станичный Совет рабоче-крестьянских, казачьих и солдатских депутатов».

Таким образом, станица Платовская одна из первых в Сальском округе твердо встала за Советы, когда в окружной станице Великокняжеской еще сидел атаман. Станичный Совет избрал своим председателем старшего Сорокина, меня – заместителем председателя, Никифорова – народным военным комиссаром, Сердечного – его заместителем по формированию, младшего Сорокина – народным комиссаром по продовольствию и конфискации помещичьего имущества.

После избрания станичного Совета я, по решению Исполкома Совета, поехал на хутора призывать людей на нашу сторону. Выступать на сходах приходилось осторожно, продумывая каждое слово. В хуторах были и сторонники и противники советской власти. Одно случайно сорвавшееся слово могло привести к неприятным осложнениям, а то и к драке между противниками. Особенно упирались зажиточные калмыки. Следует сказать, что калмыки Сальского округа за активную помощь в подавлении восстания Степана Разина еще императрицей Екатериной II были пожалованы в донские казаки и пользовались всеми правами казачества. Больше того, учитывая их кочевой образ жизни и главное занятие – скотоводство, царизм наделял землей не только калмыцких мужчин, но и женщин.

Калмыки не хотели поступиться своими крупными наделами земли и поэтому в большинстве своем выступали против советской власти.

Некоторые казаки, как только речь заходила о наделе иногородних земель, говорили:

– Мы не против Советов, а земельку нашу не трожь – не вами дадена.

– Зачем нам трогать вашу землю, – отвечали мы им, – земли много у помещиков и коннозаводчиков. Их землю и нужно отдать крестьянам и беднейшим казакам.

Очень повлияло на неимущих крестьян и казаков в смысле привлечения их на сторону советской власти бегство помещиков и буржуазии из центральных областей России на юг – в понизовье Дона и казачьи округа Кубани и Терека. Часто можно было услышать такие разговоры: раз богачи бегут от Советов, значит Советы за нас, за бедноту.

13 февраля, когда я находился в одном из прилегавших к станице хуторов, ко мне прискакал гонец с запиской от Сорокина, просившего меня срочно вернуться в станицу ввиду неотложного дела. Вечером, приехав в Платовскую, я узнал в станичном Совете, что получено извещение от группы уполномоченных по созыву окружного съезда Советов в станице Великокняжеской. Съезд назначался на 14 февраля. Каждому станичному Совету предоставлялось право прислать в Великокняжескую своих делегатов по норме – одного от двух тысяч человек. Нам предстояло послать шесть делегатов. Для созыва общего собрания уже не оставалось времени, и поэтому решено было послать на окружной съезд членов станичного Совета. Послали на съезд в Великокняжескую и меня.

Съезд проходил четыре дня, и весьма бурно. Противники советской власти предпринимали на съезде энергичные вылазки, но успеха не имели. В Сальском округе была провозглашена советская власть и избран окружной Совет рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов в составе двадцати девяти человек. 18 февраля окружной Совет на своем заседании избрал президиум. Председателем был избран коммунист Кучеренко. Меня избрали членом президиума и заведующим окружным земельным отделом.

2

К этому времени положение в Донской области снова осложнилось. Походный атаман войска Донского генерал Попов накануне взятия советскими войсками Новочеркасска ушел в донские степи с большим и сильно вооруженным отрядом казаков и юнкеров. С ним ушли также генералы Корнилов, Алексеев, Мамонтов, Семилетов, Гнилорыбов и другие со своими отрядами. В станице Ольгинская белогвардейцы разделились на две группы. Генералы Алексеев и Корнилов направились на Кубань – в Краснодар, а генерал Попов, возглавив отряды Мамонтова, Семилетова и Гнилорыбова, двинулся по Сальским степям. Он хотел показать населению, что войско Донское есть и оно идет, чтобы расправиться с бунтовщиками «иногородними», истребить большевиков и прочих организаторов советской власти и привести в покорность «своевольных» казаков.

Окружной Совет принял решение для отпора белогвардейцам создать Великокняжеский, Платовский, Мартыновский, Орловский, Зимовниковский, Куберлевский, Гашунский и другие краснопартизанские отряды.

Вместо начатого мною укомплектования окружного земельного отдела мне пришлось с помощью группы товарищей заняться сбором оружия и патронов и снабжением ими отрядов.

Занимаясь этим, в станице Великокняжеской я проживал в комнатке сестры, работавшей горничной у торговца Андрианова.

21 февраля рано утром, как обычно, я отправился в окружной Совет. Вхожу в помещение Совета и не пойму, что случилось – тишина, во всех комнатах пусто – ни единой души. В комнате председателя исполкома на столе лежат два снарядных лотка; один из них пустой, а во втором – три снаряда. Выхожу на улицу и вдруг слышу – в ремесленном училище, расположенном напротив, поют «Боже, царя храни». Оглядываюсь по сторонам и вижу: по улице едет разъезд юнкеров.

Все стало ясно – в станицу вступают белые. Я быстро пошел на рынок в надежде разыскать там кого-нибудь из земляков-станичников, который доведет бы меня до Платовской. И действительно я нашел одного своего станичника Кулешева, привозившего на мельницу зерно и заехавшего на рынок купить что-то.

– Давай-ка, браток, удирать, в станице белые, и если мы задержимся, то попадем к ним в лапы! – сказал я ему.

Выезжая из Великокняжеской, мы увидели большой отряд белых, вступавших в станицу. Впереди верхом на лошадях ехали генералы.

Уже возле Платовской мы слышали артиллерийскую стрельбу, доносившуюся со стороны реки Маныч.

Я поспешил в станичный Совет к Сорокину, чтобы узнать обстановку. Сорокин сообщил, что белые крупными силами наступают на Платовскую и Никифоров со своим отрядом численностью свыше семисот человек, из них сто двадцать конных, защищает брод через Маныч у хутора Солёный.

Хорошо, что за день до того мы успели отправить Никифорову из Великокняжеской около четырехсот винтовок, два пулемета и двенадцать тысяч патронов.

Вскоре к станичному Совету прискакал всадник. Это был Филипп Новиков, гонец с донесением от Никифорова. В донесении сообщалось, что на отряд насаждают крупные силы белых под командованием генерала Гнилорыбова и что шестьдесят калмыков, находившихся в Платовском отряде, изменили, перебежали на сторону противника и совместно с белогвардейцами атакуют партизан. Создавшаяся обстановка заставляет отряд, минуя Платовскую, отступать к Большой Орловке на соединение с Орловским отрядом Ковалева, а затем

и с Мартыновским отрядом Ситникова, писал Никифоров, и просил предупредить всех станичников, принимавших участие в организации советской власти, чтобы они своевременно скрылись, так как белогвардейцы жестоко расправляются с Советами.

Меня удивило решение Никифорова оставить без боя родную станицу, в которой мы только что создали собственными руками советскую власть. «Кажется, должно быть понятно, что силы отряда в станице могли бы удвоиться: на защиту своего дома стал бы всякий, кто может держать оружие», – думал я. Однако действий Никифорова открыто не осуждал, полагая, что решение принято, вероятно, им не без основания.

Сорокин стал обсуждать со мной создавшееся положение. Мы хорошо знали, какая глубокая социальная рознь и взаимная ненависть издавна существовали между владевшими большими наделами земли казаками и калмыками, с одной стороны, и безземельными иногородними, с другой. Гражданская война обострила эту рознь. Поэтому у нас не было никакого сомнения, что белоказаки жестоко расправятся со сторонниками советской власти, особенно с иногородними. Тяжело было оставлять станицу, родных, друзей, но у нас другого выхода не было, и мы решили оповестить советских активистов о надвигающейся опасности и рекомендовать им сегодня же скрыться.

Придя домой, я неожиданно для себя встретил второго своего брата Дениса, только что вернувшегося из Нахичевани, где он проходил службу в 252-м запасном пехотном полку. Денис сказал, что их полк разбежался, а ему пришлось пешком добираться домой, рискуя попасть в руки белоказачков.

– Хватают казаки солдат, отбирают оружие, а потом и расстреливают, – говорил Денис.

Сообщив своим родителям и ближайшим соседям об опасности, я посоветовал им уехать из станицы. Сам же оседлал лошадь тем седлом, которое привез с собой из старой армии, и поехал на хутор Козюрин, рассчитывая встретиться с отходящим на Б. Орловку отрядом Никифорова. Со мной отправился Денис, где-то раздобывший себе хорошую лошадь. Когда мы выехали на окраину Платовской, к нам присоединились пять всадников: Ф.М. Морозов, Н.К. Баранников, Ф.К. Новиков, Ф.Л. Прасолов, П.А. Батенко. Это были мои первые боевые товарищи в вооруженной борьбе против белогвардейщины. Каждый из них имел винтовку и четыре патрона. Я был вооружен шашкой и револьвером.

На рассвете 22 февраля наша группа уже была в хуторе Козюрин. Через два часа к хутору подошел отряд Никифорова. От Никифорова я узнал о ходе боя на р. Маныче. Белые силами свыше двух тысяч конных казаков, юнкеров и калмыков при восьми пулеметах и шести орудиях завязали бой за брод. В решительный момент шестьдесят калмыков перебежали от Никифорова к Гнилорыбову, помогли белогвардейцам форсировать брод в безопасном месте и совместно с ними атаковали Платовский отряд. Платовцы дрались храбро, но силы были неравные. Построив отряд в каре, Никифоров в течение нескольких часов отбивался от наседавших белогвардейцев, отступая на хутор Козюрин. Отряд потерял семь человек убитыми, четырнадцать бойцов были ранены. Подобрав всех убитых и раненых, платовцы отступили.

Я спросил Никифорова, что он намерен делать дальше. Он сказал, что твердо придерживается своего решения идти на соединение с Орловским и Мартыновским отрядами. Понимая, что его решение правильное, я все-таки предложил сделать сначала ночной налет на Платовскую, ссылаясь на то, что раз наша станица первая встала на сторону советской власти, то белые будут расправляться с ее населением особенно жестоко и надо спасти людей от гибели. Никифоров не принял моего предложения, заявив, что не хочет зря класть головы своих бойцов и что белых можно разгромить только объединенными усилиями всех отрядов. Тогда я попросил Никифорова подчинить мне часть всадников отряда с тем, чтобы иметь возможность если и не атаковать противника в Платовской, то держать его под постоян-

ным наблюдением, захватывать разъезды и отдельные группы белых и таким образом быть в курсе всех их намерений. Однако и на это Никифоров не согласился.

– Не могу, Семен Михайлович, дать тебе людей, – ответил он и левой рукой провел по своей пышной светлой шевелюре, что он делал всегда, когда хотел сказать, что решение его непоколебимо. – Не пущу даже твоего брата Емельяна Михайловича.

– Тогда я спрошу добровольцев.

– Напрасно. У нас уговор: кто из отряда отлучится – тому расстрел.

Отряд Никифорова двинулся дальше в направлении Б. Орловки, а наша группа в семь человек осталась в хуторе Козюрине. Решив ограничить свои действия скрытой разведкой, мы поставили себе целью, минуя разъезды и заставы белых, добраться до Платовской, выяснить обстановку в станице и наличие в ней белогвардейских сил.

Ночь наша группа провела в хуторе со всеми мерами предосторожности, а с рассветом 23 февраля двинулась в направлении калмыцкого поселения Шара-Булук. Не доезжая его примерно пяти километров, мы обнаружили разъезд белогвардейцев в составе тринадцати человек. Белые тоже заметили нас. Спешившись, они открыли огонь. Мы повернули на восток в направлении Платовской. Разъезд противника не преследовал нас. Продвинувшись километров двенадцать, мы вновь натолкнулись на белых. Противник нас обстрелял. Не приняв боя, мы уклонились несколько к северу.

К трем часам дня наша группа подъехала к небольшому хутору Тавричанскому. Посоветовавшись между собой, мы решили, что надо побывать на хуторе – покормить лошадей, да и разузнать обстановку. Въехав в хутор, мы заметили коней, привязанных к частоколу. Спрашиваем местных жителей: «Чьи это лошади?» Они отвечают: «Белогвардейцев». Оказалось, что в хуторе остановился разъезд белых казаков и юнкеров, человек пятнадцать, и все они разбрелись по домам и мародерствуют. Мы спешили, укрыли лошадей и без шума переловили белогвардейцев. В этом нам активно помогли жители хутора. За счет белогвардейцев бойцы, имевшие только винтовки, вооружились еще и шашками, а также пополнили свои скудные запасы патронов.

В хуторе Тавричанском нас ожидал еще один сюрприз: тут скрывались люди, бежавшие от белых из станицы Платовской. Услыхав, что в хутор ворвались красные и обезоружили белогвардейцев, они немедленно же явились к нам и стали упрашивать взять их в отряд. Мы согласились на это и распределили между новыми бойцами захваченных лошадей, оружие и боеприпасы. Бежавшие из Платовской рассказали, что в станице идет кровавая расправа белогвардейцев со сторонниками Советов: одни крестьяне уже расстреляны, другие ждут расстрела, станичное правление забито арестованными.

К вечеру наша группа, уже численностью в двадцать четыре человека, двинулась в направлении Платовской. Сделав по пути привал, мы обсудили создавшееся положение и решили сформировать отряд. Командиром отряда избрали меня, а заместителем моим – Н.К. Баранникова. Не доехав до станицы километров шесть, я остановил отряд в балке Малая Бур густа и предложил бойцам следующий план действий: с наступлением темноты двинуться в Платовскую, минуя дороги, на которых могут быть расставлены заставы белых, пробраться к станичному правлению, бесшумно истребить находящихся там белогвардейцев, освободить заключенных и, вооружив последних захваченным оружием, очистить станицу от противника. Бойцы одобрили мой план. Я предупредил всех, что мы идем на очень рискованное дело, так как не знаем сил противника; соблюдая все меры предосторожности, действовать надо смело и решительно; каждый должен драться храбро, не щадя себя; если же кто чувствует в себе неуверенность или, больше того, трусит, тому лучше не ходить с отрядом в налет. Все бойцы в один голос заявили, что готовы драться с белогвардейцами до самой смерти. Чувствовалось, что они говорили правду. У некоторых из них родные или близкие уже были схвачены белыми и, если еще не расстреляны, то ждали расстрела.

С наступлением темноты поднялся сильный ветер и заморосил холодный дождь. Мы продвигались к Платовской степным бездорожьем. Вот и наша родная станица. Лишь кое-где видны огоньки.

Слышны отдельные выстрелы и тревожный лай собак. Мы пересекли небольшую рощицу и вышли к станичному правлению.

Фонарь, раскачиваемый ветром, освещал вход в станичное правление и выстроенную возле него группу конных калмыков – человек двадцать пять. Всадники сердито покрикивали на коней и, защищаясь от порывистого ветра, пригибались к их гривам. У стены здания стояли две пушки и четыре станковых пулемета.

На наших глазах дверь станичного правления распахнулась. Выскочили два калмыка с плетями в руках и прижались к косякам двери. Из станичного правления кто-то выталкивал связанных между собой людей. Ясно было, что этих людей гнали на расстрел. Стоявшие у двери калмыки злобно кричали на обреченных и били их плетями.

– Давай, давай! – кричал какой-то конный, вероятно, старший из конвоиров. – Гони эту сволочь к Куцой Балке!

Мне трудно было сдержать гнев своих товарищей, видевших, как зверствуют белобандиты.

– Семен Михайлович, – прохрипел Федор Прасолов. – Командуй залп – чего ждешь?

– Ни в коем случае! Шума не поднимать. Винтовки приготовить к бою, но не стрелять, а рубить шашками. «Ура» не кричать. Действовать только по моей команде.

Когда всех связанных веревками людей вывели из станичного правления, я вполголоса приказал своим бойцам: «Всем только рубить, а стрелять буду я». В темноте, не замеченный белогвардейцами, я внезапно ворвался к ним в ряды и начал расстреливать их в упор. Бойцы молча навалились на противника и отчаянно рубили.

Наше нападение было для белых как снег на голову. Они начали метаться из стороны в сторону и всюду попадали под наши удары.

Связанным пленникам я крикнул: «Мы свои, красные! Хватайте, бейте всех этих подлецов, не давайте им уходить живыми!» В один миг они распутали веревки, которыми были связаны, и стали бить своих палачей чем попало.

С группой бойцов я бросился внутрь двора станичного правления, к казармам, имея в виду, что там могут быть белые. Действительно в казармах оказалась сотня расположившихся на ночлег белогвардейцев – калмыков. Они были захвачены нами врасплох. Пока мы и их обезоруживали, мой заместитель Баранников с остальными бойцами освободил всех заключенных. Их оказалось свыше четырехсот человек – жителей станицы Платовской и окрестных хуторов, а также солдат, возвращавшихся из армии по демобилизации и схваченных белыми.

Все освобожденные выразили горячее желание сейчас же принять участие в борьбе против белогвардейцев, еще находившихся в станице. Не теряя времени, я разбил людей по сотням, вооружил всех трофейным оружием и назначил командиров.

С разных концов станицы доносилась стрельба. Это казаки и юнкеры, еще не знавшие, что произошло у станичного правления, расправлялись с непокорным населением, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Дав каждой сотне освобожденных людей направление, я поставил им общую задачу: разоружать белогвардейцев и посылать их под конвоем в станичный Совет, а всех сопротивляющихся уничтожать на месте.

Всю ночь продолжалась борьба с белогвардейцами, и большая часть их была уничтожена на месте совершенных ими преступлений. В станицу приезжали казаки из белогвардейских застав, расположенных по дорогам вокруг Платовской, и те из них, которые отказывались сложить оружие, тоже уничтожались.

За ночь в ряды нашего отряда влилось много новых людей, и мы вооружили их отобранным у белогвардейцев оружием. Кому не хватило его, сами раздобывали себе пики, штыки, вилы и все прочее, что могло служить оружием.

К утру 24 февраля станица Платовская, в которой до нападения нашего отряда находилось три сотни калмыков, сотня казаков и сотня юнкеров, была полностью очищена от белых. Мы уничтожили около трехсот пятидесяти белогвардейцев, захватили семьсот винтовок, около трехсот шашек, два конногорных орудия, триста снарядов, четыре пулемета, шестьдесят тысяч патронов и двести семьдесят лошадей с седлами.

Пленные белогвардейцы были посажены туда, где еще совсем недавно сидели наши обреченные на смерть люди.

После освобождения станицы жители рассказывали нам о том, как белогвардейцы расправлялись со сторонниками Советов и вообще с людьми, отказавшимися выступить на их стороне, или с заподозренными в связях с красными партизанами. За те два дня, что белые находились в станице, ими было убито триста шестьдесят пять человек, в том числе женщины, старики и дети. Среди расстрелянных оказались председатель станичного Совета Сорокин и другие не успевшие скрыться активисты. Начальника почты Лобикова и начальника милиции Долгополова, которые при объявлении в станице советской власти сорвали вывеску станичного атамана и прикрепили вместо нее вывеску станичного Совета, белогвардейцы связали, обложили пучками сена, облили керосином и сожгли на станичной площади. При этом зверском акте присутствовали генерал Гнилорыбов, офицеры казачьих сотен и их жены.

Мне передали, что белые увели на расстрел и моего отца, однако среди убитых в Куцой Балке мы его не нашли. Судьба его пока оставалась невыясненной.

24 февраля мы с почестями хоронили жителей станицы, замученных и расстрелянных белогвардейцами. В этот же день были убраны и трупы белых.

Нам было известно, что некоторым белогвардейцам удалось бежать из станицы и, следовательно, сообщить в свою ставку о событиях в Платовской. А это значило, что нужно было со дня на день ожидать нового нападения противника. Предвидя это, мы начали подготовку к защите станицы и послали к Никифорову гонца с донесением, в котором сообщали ему о разгроме белогвардейцев в Платовской и просили вернуться с отрядом в станицу.

К утру 24 февраля в отряде насчитывалось уже пятьсот двадцать человек, из них сто двадцать всадников. Всадников я выделил в конный эскадрон, командиром которого назначил своего заместителя Н.К. Баранникова. Из остальных людей были созданы стрелковые роты.

Установили наблюдение и охранение. Основной наблюдательный пункт был выбран на колокольне церкви, откуда обеспечивался круговой обзор местности. Все взрослое население было привлечено к оборудованию оборонительных позиций, в первую очередь со стороны станицы Великокняжеской, откуда появление противника мы считали наиболее вероятным.

25 февраля в 12 часов дня наблюдатели, находившиеся на колокольне, доложили мне, что со стороны Великокняжеской идет большой отряд войск. Я поднялся на колокольню и увидел, что действительно по дороге из Великокняжеской движется колонна конницы и пехоты с обозом. Я объявил тревогу и вызвал командиров подразделений. Через некоторое время отряд занял позиции на окраине станицы. Я заявил бойцам, что силы приближающегося противника крупные и мы сможем победить только в результате упорной борьбы, а если не верим в свои силы, то лучше не принимать боя и оставить станицу. Все заявили, что не уйдут и будут защищать станицу, пока живы.

Колонна противника приближалась. В голове колонны шли веером конные дозоры, в каждом по три всадника. Я принял решение – скрытно, по балке, подъехать поближе к дозо-

рам, чтобы выяснить, что это за колонна и куда она следует. В случае необходимости я решил уничтожить дозор или захватить его в плен. Объявив о своем решении Баранникову, я взял еще двух всадников и направился по балке навстречу приближавшейся колонне. Когда один из дозоров спустился в балку, мы увидели, что это советские бойцы: на шапках у каждого были нашиты красные ленточки. Они сказали, что к нам в станицу следует отряд Степанова – авангард краснопартизанских сил Царицына и Котельниковского. Этот отряд с бронепоездом собственного изготовления действовал вдоль железной дороги и день назад совершил внезапный налет на станицу Великокняжескую. Вместе с отрядом Степанова вернулся мой пропавший без вести отец. Оказалось, что в первый же день пребывания белогвардейцев в Платовской его вместе с Сорокиным, Новиковым и другими, бежавшими из станицы, схватили в хуторе Коврине и доставили в Платовское станичное правление. Вечером отца повели с очередной партией на расстрел, но по дороге знакомый калмык из конвоя отпустил его, сказав: «Беги, Михайлов Отец бежал в станицу Великокняжескую, надеясь укрыться там у своего старшего брата, но при входе в станицу снова был схвачен белыми и брошен в тюрьму со смертниками. Из тюрьмы его освободили партизаны Степанова».

Радужно встретили отряд Степанова жители станицы Платовской: всех бойцов разместили по домам, в доме торговца Мокрицкого организовали столовую.

На следующий день, 26 февраля, отряд Степанова ушел из Платовской, а 27 февраля в станицу прибыли отряд Т.Н. Никифорова и отряды И.С. Ковалева из Большой Орловки и С. А. Ситникова из Большой Мартыновки.

Никифоров давно добивался объединения этих отрядов, но объединения фактически не произошло. Они народились в одном месте и пытались действовать согласованно, но это было лишь условное объединение, так как отряды не имели единого командования и штаба. У них была общая задача – разоружить калмыков, вставших на сторону белых. Однако с этой задачей полностью справиться они не сумели. Калмыки успевали скрываться до прихода краснопартизанских отрядов в их станицы.

Они увозили с собой все оружие и прятались в балках. Не принимая открытого боя, калмыцкие конные отряды всегда уходили от преследования, используя свою подвижность.

Белые энергично мобилизовывали силы для борьбы с советской властью. Во время похода отряда Никифорова по калмыцким станицам в станице Батлаевской, в калмыцком хуруле (церкви), был схвачен крупный белогвардеец Митрофан Богаевский. После самоубийства генерала Каледина Богаевский исполнял обязанности наказного атамана. Затем он скрылся, и о нем ничего не было слышно. И вот оказалось, что он – у калмыков, ведет тайную мобилизацию их в белогвардейские отряды.

Богаевский не случайно оказался именно в калмыцких станицах: здесь он нашел благодатную почву для своей работы. Калмыки Сальского округа, владевшие крупными земельными наделами, стадами овец и табунами лошадей, охотно становились на сторону белогвардейцев, особенно тех, кто открыто ратовал за восстановление монархии. Если принять во внимание, что Богаевский пользовался доверием зажиточного казачества, то станет ясным, какую опасность представляла эта персона.

Красные партизаны, схватившие Богаевского, хотели расправиться с ним на месте, но воздержались от этого, решив, что такого маститого монархиста должны судить представители народа по прибытии всех краснопартизанских отрядов в станицу Платовскую. Об аресте Богаевского было послано донесение Ростовскому Военно-революционному комитету. Вскоре из Ростова была получена телеграмма за подписью Подтелкова, в которой говорилось, что Богаевского необходимо срочно направить в Ростов-на-Дону под личной охраной войскового старшины Голубева. Кто такой Голубев? Почему Голубеву доверяли Подтелков и Кривошлыков? Об этом следует сказать.

Войсковой старшина Голубев был эсером. После победы Великой Октябрьской социалистической революции он со своими сторонниками объявил Каледина, бывшего тогда наказным атаманом войска Донского, вне закона и многих его сторонников арестовал. Когда Каледин застрелился, а Богаевский скрылся у калмыков и к власти в войске Донском пришел генерал Попов, Голубев выступил и против Попова. Вскоре после того как Попов двинулся из Новочеркасска по казачьим округам Донской области, чтобы навести «порядок», Голубев с тремя сотнями казаков-фронтовиков начал преследование его отрядов. Действительно ли войсковой старшина Голубев боролся за советскую власть и всерьез ли он преследовал генерала Попова, я в то время знать не мог.

Отряд Голубева вступил в Платовскую на второй день после прибытия в станицу отрядов Никифорова, Ковалева и Ситникова. В этот же день Голубев согласно распоряжению Донского ревкома убыл с арестованным Богаевским в Ростов, оставив за себя начальника штаба отряда Пучкова.

Для организации успешного преследования белогвардейских частей генерала Попова настоятельно требовалось объединить силы всех краснопартизанских отрядов и создать единое командование. Этот вопрос стоял и раньше, но, как я уже говорил, решить его не удавалось. Каждый отряд считал себя самостоятельным, и каждый командир отряда претендовал на руководящую роль в случае объединения. Наконец после длительных прений на совещании командиров отрядов в станице Платовской было принято решение, что координировать боевые действия отрядов будет Ситников и ему в оперативном отношении будут подчиняться командиры всех отрядов.

Наш отряд, созданный при освобождении от белогвардейцев станицы Платовской, был влит в реорганизованный отряд Никифорова. При реорганизации этого отряда был создан кавалерийский эскадрон из четырех взводов по тридцать всадников. Командиры эскадронов и командиры взводов тогда не назначались, а избирались. Командиром эскадрона избрали меня, командирами взводов: Городовикова, Баранникова, Морозова, Усенко. Эскадрону были приданы два станковых пулемета как огневые средства командира эскадрона. Кроме кавалерийского эскадрона в отряде Никифорова были созданы три стрелковых батальона, каждый трехротного состава. Организация роты была аналогична организации кавалерийского эскадрона, только командиры рот не имели в своем распоряжении станковых пулеметов. Четыре станковых пулемета (не включая двух пулеметов кавэскадрона) и два конногорных орудия, захваченных в Платовской, являлись огневыми средствами командира отряда, которые он мог передавать во временное подчинение батальонам или ротам.

Командиром реорганизованного Платовского отряда был избран Никифоров, начальником штаба – Крутей.

Вскоре после отправки арестованного Митрофана Богаевского в Ростов-на-Дону краснопартизанские отряды выступили из Платовской для преследования частей генерала Попова, которые двигались через так называемое Восточное коннозаводство в направлении ст. Ремонтной. Отряд Голубева под командованием Пучкова дальше Великокняжеской не пошел. Остальные отряды преследовали Попова, однако это преследование ограничивалось лишь стычками разъездов. Попов уклонялся от боя, он явно стремился увеличить свои силы, чтобы после этого ударить по нашим объединенным отрядам. С этой целью из района ст. Ремонтной он резко повернул на северо-запад в направлении станицы Романовской, переправился через Дон и начал поднимать на борьбу против советской власти казачьи станицы правобережья Дона. В связи с тем, что к этому времени большинство станиц по правому берегу Дона восстали против советской власти, краснопартизанские отряды прекратили преследование Попова и направились по своим станицам.

Когда наш отряд вернулся в Платовскую, тут была получена телеграмма Подтелкова, предписывающая немедленно арестовать Пучкова – начальника штаба отряда Голубева и

командиров сотен, а всех казаков отряда обезоружить и распустить по домам. О предательстве Голубева еще не было известно, и в телеграмме ничего об этом не сообщалось, поэтому Никифоров не проявил решительности в выполнении предписания Подтелкова. Кроме того, он считал, что три сотни казаков-фронтовиков отряда Голубева – серьезная сила, способная причинить нам много хлопот. На собранном по этому случаю совещании Никифоров сказал, что арест Пучкова и разоружение его отряда – дело весьма рискованное, и он был очень удивлен, когда я выразил свое согласие выполнить указание Подтелкова и предложил свой план ареста Пучкова. Согласно этому плану нужно было от имени Голубева составить Пучкову телеграмму с предписанием срочно прибыть с отрядом в Платовскую, куда он, Голубев, вскоре вернется из Ростова. Эту телеграмму, запечатанную в конверте, я доставлю Пучкову в Великокняжескую, и он, конечно, если еще не знает о распоряжении арестовать его, немедленно прибудет с отрядом в Платовскую. К этому времени в Платовской должны быть подготовлены места для расквартирования казаков и сделано все, чтобы их в нужный момент обезоружить отдельными группами, либо всех сразу Пучкова же и командиров сотен по прибытии в Платовскую пригласить в штаб отряда на совещание и арестовать.

В том случае, если телеграмма вызовет у Пучкова подозрения, я предполагал сразу употребить силу и для этой цели взять с собой в Великокняжескую кавалерийский эскадрон.

Мой план был одобрен, и мы начали действовать. Прежде всего я вызвал командиров взводов и информировал их о существе дела. Было условлено, что бойцам о распоряжении Подтелкова не говорить, сказать только, что с казаками нужно быть осторожными, так как у них есть люди, готовые перебежать на сторону белых.

С наступлением вечера эскадрон выступил на Великокняжескую, и к рассвету мы уже были в окружной станице. Казаки безмятежно спали, и не было бы большого труда обезоружить их на месте. Однако я твердо придерживался намеченного плана. Когда я нашел квартиру Пучкова и вошел к нему, он еще был в постели. Я подал ему пакет и присел на стул. Пучков прочитал телеграмму и сообщил мне о ее содержании. Я сказал ему, что, видно, что-то намечается, скорее всего совещание по вопросам, которые рассматриваются в Ростове. Чтобы у Пучкова не оставалось никаких подозрений, я сказал ему, что время теперь тревожное, поэтому я привез пакет под охраной эскадрона.

– Это правильно, – сказал Пучков. – А когда мне ехать?

– Дело ваше, – ответил я. – Моя миссия выполнена, и я могу отправляться обратно.

– Подожди, – сказал Пучков, – я сейчас оденусь, перекусим и поедем вместе.

Через некоторое время наш эскадрон и три сотни казаков Пучкова выступили из Великокняжеской. Во второй половине дня мы уже вошли в станицу Платовскую. Как было условлено, казакам указали их место расположения, а Пучкова и командиров казачьих сотен пригласили в штаб отряда. Все люди нашего эскадрона сутки не спали, но когда Никифоров посоветовал нам идти отдохнуть, это меня очень удивило. Пучкову и командирам казачьих сотен он тоже порекомендовал прежде всего отдохнуть. Казалось, что теперь, когда Пучков был в наших руках, Никифоров не знал, что с ним делать. Я, конечно, не мог сам решить этот вопрос и, считая свою задачу выполненной, ушел домой отдыхать.

Дома я пообедал и немедленно уснул. Не прошло и часа, как меня разбудил отец.

– Вставай, сынок, в станице шум, стрельба, видно, что-то случилось, – сказал он.

Я выбежал из дому, вскочил на коня и помчался к штабу отряда. По дороге к хутору Шара-Булук и в сторону Маныча на галопе группами и в одиночку уходили казаки Пучкова. Их преследовали, стреляя на ходу, бойцы эскадрона. Очевидно, странное поведение Никифорова навело Пучкова на подозрение, и он поднял своих казаков, чтобы увести их из Платовской, а это в свою очередь всполошило наших людей. Вначале Пучков пытался руководить отходом своего отряда, но, убедившись в бесполезности этого, бросил казаков и один с ординарцем поскакал к Манычу. Я с группой бойцов кинулся за ним. В ходе погони был

убит ординарец Пучкова. Сам он, подскакав к реке, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу, уцепившись за гриву коня. Подоспевшие бойцы вместе со мной открыли по нему огонь. Не доплыв до левого берега Маныча несколько метров, Пучков вместе с лошадью стал тонуть. Однако я заметил в бинокль, что он все-таки выбрался из реки и уполз в камыши.

3

Как уже было сказано, походный атаман войска Донского генерал Попов поднимал станицы по правому берегу Дона на борьбу против советской власти. В своих обращениях Попов говорил, что он выступает не только против Советов, но и вообще против всякой власти, противостоящей монархии.

Преданная монархии верхушка казачества всегда была враждебна любой революционной или даже либеральной партии. Но если главари казачества презирали либералов, меньшевиков, эсеров, то большевиков они ненавидели. Они всячески старались внушить казакам, что земельная программа большевиков несет казачеству разорение и лишение всех прав, предоставленных ему царем. «За счет кого большевики хотят дать крестьянам землю?» – вопрошали белогвардейцы и отвечали: «За счет казаков». Далее, конечно, говорилось, что казаки владеют землей, завоеванной своей кровью, и что раздел этой земли означает ограбление казачества.

В марте 1918 года в станице Константиновский состоялся Войсковой круг, избравший атаманом войска Донского генерала Краснова. Войсковой круг обратился ко всем казакам с «воззванием». В этом «воззвании» говорилось, что советская власть якобы стремится превратить казака в самого захудалого мужика и именно с этой целью натравливает иногороднее крестьянство и рабочих на казачество.

Красновское «воззвание» призывало покончить распри между казаками-фронтовиками и старыми казаками, сторонниками царя, и объединить все силы для решительной борьбы против советской власти.

Чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, белогвардейцы обещали дать права казаков всем иногородним, если они активно, с оружием в руках, выступят против красных. Войсковой круг пытался также внушить всем, что войско Донское не собирается идти на Москву, вмешиваться в дела всей России – у него только одна задача: не пустить красных на Дон.

Чтобы широко распространить свое «воззвание» среди казаков Донской области и на основе его повести агитацию за формирование белогвардейских частей, Войсковой круг создал многочисленные агитационные группы и под прикрытием разъездов в десять – пятнадцать всадников направил их в казачьи станицы и хутора. Волна контрреволюционного движения прошла по всей Донской области и покатила дальше на восток.

Поход генерала Попова и агитация Войскового круга привели к тому, что основная масса казачества Дона, в том числе и Сальского округа, перешла в лагерь контрреволюции. Зажиточные и среднесостоятельные казаки добровольно вступали в белые отряды. Повсюду шло формирование территориальных казачьих частей и расправа со сторонниками советской власти.

В то время как на Дону силы контрреволюции собирал генерал Краснов, на Кубани и Тереке их собирали генералы Корнилов и Алексеев, а после гибели Корнилова – генерал Деникин. Они также поспешно формировали казачьи полки, дивизии, корпуса.

Правда, между Деникиным и Красновым с самого начала возникли противоречия. Если Деникин выступал за «единую и неделимую» Россию, за объединение всех контрреволюционных сил в борьбе против Советской республики, признавал верховным правителем Кол-

чака и опирался на империалистов Антанты, то генерал Краснов вынашивал идею создания на юге страны казачьей федерации и рассчитывал на помощь германских империалистов. Краснов был уверен, что он и без Деникина разгромит Советы на Дону.

Уже тогда стало известно тайное соглашение Краснова с немцами о поставках казакам оружия в обмен на зерно и скот. Красновцы убеждали население, что лучше обратиться за помощью к немцам, чем допустить распространение советской власти на Дону. «Немцы, – говорили красновцы, – придут и уйдут, в то время как красные, если допустить их на Дон, погубят казачество».

Обстановка с каждым днем накалялась. Чувствовалось, что контрреволюция готовит наступление на широком фронте.

Все правобережные станицы, а также казачьи станицы по левому берегу Дона и Маныча – такие, например, как Семикаракорская, Багаевская, Манычская, Кагальницкая, Мечетинская, Егорлыкская и другие, где преобладало казачье население, были захвачены белыми. В каждой станице, в каждом хуторе находились крупные казачьи гарнизоны.

В то же время в станицах и селах, где больше было крестьян, как коренных, так и иногородних, где был серьезный советский актив, – в этих станицах росли и крепились краснопартизанские отряды.

Оба лагеря – и революционный и контрреволюционный – находились в периоде организации и формирования, в периоде подготовки к предстоящим боям. Очень энергично действовали ревкомы, в частности, на станциях железнодорожной линии Тихорецк – Царицын. Через ревкомы и краснопартизанские отряды большевистская партия проводила огромную работу по мобилизации народа на борьбу с врагами советской власти. Партия разоблачала клевету белогвардейцев и разъясняла широким массам рабочих, крестьян и казачества, за чьи интересы борется советская власть и чьи интересы защищают белые генералы.

Платовский отряд быстро рос. В кавалерийском эскадроне отряда, например, каждый взвод уже насчитывал свыше ста человек. Отряд занимался боевой подготовкой, готовил круговую оборону станицы, высылал по дорогам отдельные конные разъезды.

Наши разъезды время от времени встречались с разъездами белых. Первоначально эти встречи проходили относительно мирно. Противные стороны съезжались на небольшое расстояние и вступали в споры. Каждый стоял на своем, каждый доказывал свою правоту. После короткой, но довольно острой полемики и угроз противники разъезжались в разные стороны. Узнав об этом, я предупредил своих людей, что такие встречи могут кончиться плохо, особенно если в разъезде белых окажется офицер. Так в действительности и случилось. Одна из встреч разъезда Платовского отряда с разъездом белых казаков закончилась тем, что белогвардейский офицер выстрелом из револьвера убил нашего начальника разъезда и в поднявшейся суматохе скрылся.

По всему видно было, что белые вскоре перейдут к решительным боевым действиям. У них было достаточно организованных сил для борьбы с разрозненными партизанскими отрядами, и если они еще не предпринимали наступления, то, очевидно, потому, что главной своей задачей считали подготовку войск к свержению Советов не только на Дону, но и во всей стране.

Станицы и хутора Донской области, в которых еще сохранилась советская власть и имелись свои краснопартизанские отряды, представляли собой всего лишь отдельные островки в море мятежной казачьей белогвардейщины. Следовало скорее объединяться, чтобы не быть раздавленными поодиночке, но командование отрядов не проявляло активности в этом направлении, видимо, рассчитывая отсидеться в своих станицах и хуторах.

На одном заседании станичного Совета с участием командования Платовского отряда я предложил оставить в станице небольшой гарнизон, а главными силами выступить на хутора Солёный, Сухой, Дальний, то есть в сторону, откуда больше всего можно ждать нападения

противника. Заняв эти хутора, как мне казалось, легче будет вести разведку противника и наладить взаимодействие с Великокняжеским, Орловским и Веселовским отрядами. Кроме того, я считал необходимым послать своих связных и в другие отряды. На заседании пого- ворили об этом, однако Никифоров и Крутей ничего реального для объединения партизан- ских сил не предприняли.

Период этого относительного затишья мы использовали для подготовки партизан, к предстоящим боям: учили бойцов стрелять, применяться к местности, рубить шашкой. Это было крайне необходимо, так как большинство наших бойцов только впервые взяли в руки винтовки и шашки. Жители Донской области, казаки или крестьяне, все равно, как правило, все были хорошими всадниками, но крестьянин, не прошедший военной службы в кавале- рийских частях, не умел пользоваться шашкой. «Была бы лошадь, а рубить научусь», – так рассуждали все стремившиеся попасть в наш эскадрон.

Желавших стать кавалеристами было много, рост эскадрона ограничивался только недостатком лошадей и отчасти шашек и седел. И вот, воспользовавшись затишьем, мы решили сделать вылазку за лошадьми в помещичьи экономии, расположенные за рекой Маныч. Взяв с собой сорок всадников, по десять от каждого взвода, я отправился за Маныч. Наши поиски были длительными. Управляющие экономиями попрятали скот, в том числе и лошадей. Все-таки в одной глубокой балке мы нашли табун хороших коней, принадлежав- ших экономии помещика Пешванова. Двадцати всадникам из прибывшей со мною группы я приказал гнать лошадей в Платовскую, а с остальными людьми направился в помещичью экономию, чтобы разыскать управляющего. У дома управляющего мы увидели воору- женных людей. В ответ на мой вопрос: кто такие? – эти люди сказали, что они из Веселовского краснопартизанского отряда и едут со своим командиром отряда Думенко в станицу Вели- коняжескую.

– А где же ваш командир?

– А вон, видишь, сидит.

Я посмотрел в окно и увидел сидящего за столом человека в офицерском мундире с погонами есаула. «Что такое – командир краснопартизанского отряда и в офицерских пого- нах? Этого не может быть!» – решил я и велел своим бойцам схватить людей, сказавших, что они из Веселовского отряда.

– Руки вверх! – приказал я офицеру, войдя в дом. Ему ничего не оставалось, как испол- нить приказание. Обезоружив и обыскав офицера, я по имевшимся у него документам уста- новил, что он Думенко Борис Клавдиевич, действительно является командиром Веселов- ского краснопартизанского отряда.

– Что это такое? – возмутился Думенко.

– Ничего, бывает и хуже.

Вернув Думенко оружие, документы, я посоветовал ему снять погоны, если он не хочет поплатиться за них головой. Но о погонах потом. Теперь я говорю о Думенко только в связи с тем, что встреча с ним побудила меня снова настаивать в станичном Совете на активизации наших действий.

Думенко сообщил, что белые все больше наглеют и он со своими бойцами следует в Великокняжескую, чтобы договориться о совместных действиях с Великокняжеским крас- нопартизанским отрядом Шевкоплясова. Думенко выразил желание наладить связь и с нашим, Платовским отрядом. Я обещал ему передать это пожелание платовскому Совету, что и сделал сейчас же по возвращении в станицу. К сожалению, мне не удалось расшеве- лить наше командование: и на этот раз для связи с другими партизанскими отрядами ничего не было сделано.

Беспечность Никифорова очень волновала меня. Я опасался, что белые сомнут наши заставы и нападут на станицу внезапно. И мои опасения оправдались. Однажды около двух

часов ночи мы слышали в станице грохот повозок и крик людей. В комнату, где я находился, вбежал ординарец и доложил, что в станицу прибыли беженцы из хуторов Дальнего, Соленого, Сухого и других.

Беженцы сообщили, что в хутора ворвались белые казаки и учинили расправу с жителями: многих советских активистов зарубили и расстреляли, а в хуторе Хирном некоторых жителей побросали в колодцы живыми.

Подняв свой эскадрон по тревоге, я послал связных бойцов к командованию отряда. Но ни Никифорова, ни его заместителя Сердечного связные не нашли. Тогда я приказал бить в набат. Набат живо поднял на ноги население станицы. Все способные к бою стали вооружаться кто чем мог. Даже мой отец, человек по природе очень мирный, соорудил из вил рогатину.

– Возьми, отец, мою винтовку, – говорю я ему.

– Нет, отдай кому-нибудь помоложе. Мне с рогатиной сподручнее.

Набат разбудил и командование отряда. Первым прибежал заспанный начальник штаба Крутей, а за ним и Никифоров. Решили пешими подразделениями занять оборону с западной и юго-западной окраины станицы, откуда ожидалось нападение казаков, а эскадрон скрытно расположить в лощине для действий во фланг и тыл казакам.

К четырем часам утра конная разведка, высланная на Шара-Бурук и Хундулай, в сторону хутора Сухого, донесла, что около полутора тысяч белых казаков в колоннах продвигаются в направлении Платовской. К пяти часам казаки подошли к станице и пытались атаковать с ходу в конном строю, но были отбиты нашими пешими подразделениями. Тогда они спешились и начали наступление. Это были по преимуществу старые, особенно охмелевшие от белогвардейской агитации казаки-бородачи. Пехотные подразделения отряда завязали бой с казаками, а кавалерийский эскадрон, используя балку Бургуста, обошел казаков и ударил им во фланг и тыл. Это было для белогвардейцев полной неожиданностью. Не успев еще как следует развернуться, они дрогнули и начали поспешно отступать.

В этом бою нами впервые и очень удачно были использованы пулеметные тачаки. Они занимали огневые позиции перекатами.

Развернувшись на фланге белых, одна пулеметная тачанка косила противника огнем, а другая тем временем переходила на новую позицию и открывала огонь прежде, чем первая прекращала его.

В течение всего дня наш эскадрон гнал казаков и выбивал их из хуторов Дальнего, Хирного, Жеребкова, Соленого и других. Бойцы сражались отчаянно, с особым азартом они преследовали убежавших казаков. Одно было плохо: бойцы эскадрона еще не надеялись на шашку, предпочитали ей винтовку. Гонится боец за казакон, нагоняет его, но вместо того, чтобы рубить, берет клинок под мышку и стреляет из винтовки; выстрелит в противника и, закинув винтовку за спину, вновь размахивает шашкой только для устрашения.

Эскадрон преследовал белоказакон до хутора Верхне-Соленого и оттуда вернулся в хутор Сухой, где к этому времени сосредоточился весь отряд.

Эта победа над белыми окрылила и наших бойцов и жителей станицы Платовской, поверивших в силу своих защитников. Платовский отряд приобрел большой авторитет и у населения соседних станиц и хуторов, а также среди других отрядов, как вполне боееспособный и преданный советской власти краснопартизанский отряд.

Расположившись затем в хуторе Соленом и приняв все меры боевого обеспечения, мы вели непрерывную разведку противника. Наши конные разъезды часто сталкивались с разъездами белых, вступали с ними в перестрелку, стараясь захватить пленных.

Как-то раз около хутора Сухого наш разъезд захватил белого казака. Пленный показал, что в хутор Таркановку прибыли из хутора Золотаревского примерно около трех сотен казаков. Располагая этими данными, мы решили сделать ночной налет на Таркановку. Глу-

бокой ночью, без единого звука и выстрела, эскадрон подошел к Таркановке и окружил ее. Сторожевое охранение белых, расположившееся в крайних домах хутора, оказалось на редкость беспечным. Некоторые полевые караулы не выставили часовых. Когда мы, бесшумно сняв охранение, ворвались в хутор, многие казаки еще спали. До утра наши бойцы ловили и вытаскивали казаков, укрывавшихся в погребках, на чердаках, в сене и соломе. Всего эскадрон захватил свыше ста казаков с оружием и лошадьми, семнадцать было убито. Остальным удалось бежать.

Ночной налет на Таркановку позволил нам выяснить, какие силы противостоят Платовскому отряду и где они расположены. Пленные показали, что они из отряда полковника Золотарева, имеющего в своем составе тысячу двести конных казаков и семьсот пехотинцев; штаб отряда с небольшим гарнизоном находится в хуторе Золотаревском, а основные силы отряда располагаются в Моисеевских и Садковских хуторах; вооружены белогвардейцы слабо, пулеметов нет, об артиллерии пленные ничего не знали.

Чтобы более точно установить расположение противника, я с небольшой группой всадников поехал в разведку. Во время разведки мы пришли к выводу о возможности обойти противника с тыла и захватить его штаб в хуторе Золотаревском.

Никифоров одобрил этот план, и мы приступили к действиям. От каждого взвода эскадрона было выделено по пятьдесят самых лучших всадников, и таким образом был создан отряд в двести человек с двумя станковыми пулеметами на тачанках. К вечеру мы подошли к хутору Комарову, рассчитывая здесь встретить сторожевые заставы противника. Но, продолжая продвигаться между рекой Сал и хутором Комаровым, наш отряд не встретил никакого охранения белых и беспрепятственно вошел в хутор Золотаревский.

В хуторе было тихо. Часовые, стоявшие в центре хутора у трехдюймовых пушек, приняли нас за своих и сказали, где какие подразделения расположены и где находится полковник Золотарев. Приказав своему заместителю приступить к обезоруживанию казаков, расквартированных в хуторе, я с группой всадников отправился к полковнику Золотареву, который находился в доме священника. Часовые, стоявшие у этого дома, были бесшумно сняты. Я постучал в дверь. На стук вышла женщина и осведомилась, кто изволит беспокоить.

– Открывайте! Свои! Срочное донесение полковнику.

– Вы что – ошалели? Чего кричите? Господин полковник спит.

Женщина ушла, но вскоре вернулась и открыла дверь.

Я с пятью бойцами вошел в дом.

Полковник, натянув брюки, лениво потягиваясь и жмурясь от света, спросил:

– Ну что, братец, гремишь? Давай, что привез...

– Хорошо братец! Я – красный командир, собирайтесь, да живее...

Полковник широко открыл глаза. Лицо его побледнело.

– Не может этого быть!.. А... где же мои войска?.. – забормотал он.

– Где ваши войска, сейчас увидите...

– Нет, нет, – бормотал полковник, – это же несовместимо с понятием о тактике.

– Живей, живей собирайтесь и не рассуждайте – мы не намерены повторять налет в соответствии с вашим понятием о тактике.

Одеваясь, Золотарев все твердил, что захват его в плен, да еще в постели, противоречит правилам войны. Руки у полковника тряслись, голос дрожал.

К тому времени, когда мы вышли на улицу с полковником Золотаревым, весь гарнизон хутора был уже обезоружен и пленен. В наши руки попали четыре трехдюймовых орудия с полными зарядными ящиками.

С пленными и с трофейными орудиями мы сейчас же двинулись обратно и уже к рассвету прибыли в хутор Солёный, в распоряжение основных сил Платовского отряда.

Наш удачный налет на хутор Золотаревский, пленение его гарнизона, особенно командира белогвардейского отряда полковника Золотарева, вызвали всеобщее ликование в Платовской и прилегающих к ней хуторах. Ликовали и бойцы и все население, вставшее на сторону советской власти.

Однако допрос полковника Золотарева ничего ценного для нас не дал. Он лишь подтвердил имевшиеся у нас сведения о численности ближайших белогвардейских отрядов и намерениях белогвардейцев в скором времени начать активные действия.

Командование Платовского отряда и президиум станичного Совета приняли решение предать Золотарева всенародному суду как преступника, выступившего против народа и рабоче-крестьянской советской власти. Суд над Золотаревым решили провести в станице Платовской, куда его и направили под строжайшей охраной. Однако судить Золотарева не пришлось. Он был убит ночью при попытке к бегству, как доложил начальник конвоя.

После налета на хутор Золотаревский Платовский отряд продолжал свою боевую жизнь, располагаясь в хуторе Соленом и в соседних с ним хуторах. Наши сторожевые заставы и посыльные поддерживали постоянную связь с Веселовским, Мартыновским и Орловским краснопартизанскими отрядами. Боевые действия некоторое время ограничивались стычками наших сторожевых застав и разведывательных групп с разъездами и отдельными подразделениями белых.

Отряд продолжал расти. В связи с этим главным для нас было формирование подразделений и обучение людей. Никифоров, Сердечный, Крутей занимались пехотой, я – кавалерией. Эскадрон отряда был реорганизован в дивизион двухэскадронного состава. Меня избрали командиром дивизиона, а Баранникова и Городовикова – командирами эскадронов. Заместителями командиров эскадронов были назначены Морозов и Усенко.

Отряд пополнялся преимущественно за счет крестьян-добровольцев, большинство которых не имело самой минимальной военной подготовки. Лучшие из добровольцев, пройдя в отряде обучение, выдвигались на командные должности. И надо сказать, что они в невиданно быстрый срок становились талантливыми и искусными командирами, как, например, любимец бойцов Федор Максимович Морозов – человек удивительной храбрости, прошедший в боях путь от рядового бойца до начальника дивизии. Или Григорий Пивнев – сын бедного крестьянина. Мне вспоминается, как в первые дни вооруженной борьбы с белогвардейцами он пришел в отряд с просьбой принять его в кавалерию. Сначала я отказал ему. Нет, говорю, у тебя ни коня, ни шашки, иди в пехоту. Однако не прошло и двух дней, как Пивнев снова явился, и уже на хорошей лошади, при полном вооружении.

– Ну теперь, Семен Михайлович, принимайте в кавалерию, видите, конь-то у меня какой, и шашка есть.

– Но это не все, – возразил я. – Рубить же ты не умеешь.

– Семен Михайлович, я ведь когда-то и кашу есть не умел. Вот увидите, научусь.

Пришлось уступить, принять в кавалеристы. Однако сначала, не желая посылать Пивнева в боевое подразделение, где он по неопытности мог быстро стать жертвой любого казака-рубака, я определил его к себе ординарцем.

Как-то раз белые выбили с хутора Дальнего нашу сторожевую заставу, державшую связь с Веселовским отрядом. Надо было немедленно восстановить положение, и я с сотней бойцов и с пулеметами поспешил на помощь отступавшей заставе. Спешившись в ложбинке, около уже выколосившейся ржи, я оставил следовавшего за мной Пивнева с лошадьми, а сам стал руководить наступающей цепью бойцов. Завязалась перестрелка с белыми. Смотрю, мой ординарец что-то приседает, прячется за рожь. Чтобы ободрить Пивнева, я подзываю его и говорю:

– Что же ты, братец, прячешься под рожь? Испугался пуль? А я-то думал, что ты храбрый... Если бы знал, что ты боишься, то определенно не принял бы в отряд.

– Да нет же, Семен Михайлович, я не боюсь, но как-то само собой получается, – говорит он. – Если вы думаете, что я боюсь, то отпустите во взвод, там я в бой и в разведку пойду, обязательно докажу, что ничего не боюсь.

– Во взвод тебе еще рано, – отвечаю я, – а в разведку тем более. Отрубят тебе голову какой-нибудь казачина, и покатится она, буйная, по широкой степи. Нет, побудь еще около меня, поучись кое-чему, а потом и во взвод пойдешь.

Когда был создан кавалерийский дивизион, я определил Пивнева в эскадрон Баранникова – опытного командира и заботливого человека, поручив ему следить за молодым бойцом. Время от времени я спрашивал Баранникова о Пивневе. Осторожный в суждениях о людях и скупой на похвалы Николай Кирсанович Баранников вначале говорил неопределенно – присматриваюсь, мол. А потом как-то сказал: «Этот парень, видно, совсем лишен чувства страха, думаю, что выйдет из него неплохой командир». Спустя некоторое время в одном из боев с белогвардейцами я лошадкой подъехал к цепи бойцов спешенного эскадрона Баранникова. Смотрю, лежит в цепи взвод, умело расположенный на холмистой местности, и ведет огонь по противнику. Пули белых свистят, цокают о землю, но командир взвода, в котором я узнал Пивнева, как будто не обращает на это внимания. Он спокойно ходит и дает своим бойцам какие-то указания.

– Пивнев, ты уже командуешь взводом?

– Да, командую! – и его загорелое лицо светится радостью.

– И пулям не кланяешься? – смеюсь я.

– Нет, они облетают меня, – весело отвечает Пивнев.

Он вытаскивает из кармана кисет и, продолжая беседу со мной, уже не как с командиром, а как с хорошим знакомым, закуривает. Вдруг я вижу, что у него по руке течет кровь.

– Пивнев, ты ранен! Беги же скорее к санитарной линейке!

А он, словно ничего не произошло, спокойно посмотрел на свою руку, потом на меня и говорит:

– Да, наверное, ранен.

Быстро росло боевое мастерство Пивнева. За короткое время он стал командиром эскадрона, а затем и командиром полка. Из среды молодых командиров он выделялся высокой дисциплинированностью и особой удалой отвагой. Его подвигами восхищались даже бывалые и известные своей храбростью командиры. Один либо во главе группы лихих конников он пробирался в стан врага, захватывал ценные документы, громил штабы и обозы белых, освобождал из тюрем советских активистов, приговоренных белогвардейцами к расстрелу, и, как правило, возвращался из смелых налетов с пленными офицерами. Слава о бесстрашных подвигах этого жизнерадостного паренька прошла по всем кавалерийским частям 10-й Красной армии.

4

Во второй половине мая 1918 года Донская казачья армия Краснова при помощи немецких оккупантов закончила период организации и формирования и начала наступление против краснопартизанских отрядов – опоры советской власти на Дону

На Кубани и Тереке в это время еще был период брожения, период расслоения и, я бы сказал, период развития контрреволюции. Точно так же, как в январе – феврале 1918 года на Дону, и здесь, в Кубанской и Терской казачьих областях, наиболее ревностными сторонниками монархии выступали казаки-старики.

Основные опорные пункты советской власти на Северном Кавказе были в Ставрополе. Однако возникшие там в начале 1918 года краснопартизанские отряды так же, как в Донской области, были слабые и в основном потому, что стояли на местнических позициях,

действовали вразнобой, не помогая друг другу. Местнические настроения в отрядах насаждались прежде всего командирами отрядов. Они избегали совместных действий и уклонялись от объединения только потому, что боялись попасть в чье-либо подчинение. Индивидуализм некоторых партизанских командиров приводил к тому, что их отряды становились добычей организованных и объединенных в части белогвардейцев.

Говоря об обстановке, сложившейся в этот период на Дону, Кубани, Тереке и на Северном Кавказе, следует сказать также об отношении к советской власти многочисленных кавказских народностей. Горцы – осетины, дагестанцы, кабардинцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши и другие – в этот период не проявляли особой активности. Правда, зажиточная часть горцев во главе со своими князьками стала на сторону белых, однако таких людей было немного. Основная же часть горцев придерживалась нейтралитета, либо становилась на сторону Советов. Нужно учитывать, что беднота горских национальностей терпела двойной гнет – от своих национальных феодалов и от царского самодержавия. Бедняки-горцы ненавидели своих угнетателей, особенно царизм, но они были настолько забиты, запуганы, унижены, что часто не осмеливались поднять голос за советскую власть.

Во второй половине мая 1918 года белогвардейцы, расположенные в станицах Егорлыкской, Манычской, Мечетинской и Кагальницкой, повели наступление против Веселовского отряда Думенко. Веселовский отряд не выдержал натиска противника и стал отходить по левому берегу реки Маныч, на станицу Великокняжескую. Великокняжеский отряд Шевкоплясова, державший связь с отрядом Думенко, вместо того чтобы выступить на поддержку и соединение с Веселовским отрядом, остался на месте, в обороне у Казенного моста через Маныч.

В связи с отступлением Веселовского отряда на станицу Великокняжескую наш отряд вынужден был отойти с хуторов Соленого, Сухого и других в станицу Платовскую с тем, чтобы выровнять фронт и теснее связаться с Великокняжеским отрядом. На старых позициях остался только кавалерийский дивизион. Мы должны были встретить противника, войти с ним в боевое соприкосновение и в случае превосходства сил казаков, сдерживая их, отходить на Платовскую.

В Веселовском отряде отступление вызвало недовольство партизан. Люди не хотели уходить из своих насиженных мест, от своих хат и хуторов. Отступление они объясняли бездарностью Думенко. В отряде произошел крупный инцидент, начавшийся с того, что бойцы потребовали снять с Думенко офицерские погоны. Стихийно возник митинг, на котором партизаны разделились на две группы. Одни выступали против Думенко, требуя отстранения его от командования отрядом и избрания командиром заместителя Думенко – Григория Колпакова, другие защищали Думенко. Кончился этот митинг тем, что один партизан подошел к Думенко и сорвал с него погоны, а тот в ответ ударил партизана. Спасаясь от угрожавшего ему самосуда, Думенко с помощью своих сторонников под покровом наступившей ночи бежал из отряда в станицу Платовскую.

Веселовский отряд теперь уже под командованием Колпакова продолжал с боями отходить на Великокняжескую. В первых числах июня он соединился с Великокняжеским отрядом, и общее руководство отрядами возглавил Шевкоплясов. Этот объединенный отряд завязал упорные бои с белоказаками у Казенного моста на Маныче. В самое напряженное время боев в отряде произошло крупное предательство. Казачий конный полк Сметанина Великокняжеского отряда, состоящий из казаков Орловской и Великокняжеской станиц, вошел в связь с белоказаками, изменил своим и атаковал отряд Шевкоплясова с тыла при одновременной атаке белых с фронта. Отбиваясь от казаков, отряд Шевкоплясова начал отход на станцию Куберле.

Через некоторое время после отхода основных сил отряда Никифорова в Платовскую кавдивизион был атакован белыми казаками станиц Багаевской, Семикаракорской и Золота-

ревской. Отбивая атаки казаков, я послал в Платовскую двух бойцов с донесением о создавшемся положении. Вернувшись, бойцы доложили, что станица занята белыми. Куда, в каком направлении отошел отряд Никифорова, выяснить не удалось. В связи с изменившейся обстановкой я принял решение: с наступлением темноты оставить хутор Соленый, за ночь подойти к станице Платовской и атаковать белых. На рассвете кавдивизион ворвался в Платовскую и разогнал полторы сотни белоказачков, главным образом калмыков. Подавляющее большинство жителей станицы ушло с отрядом. Остались лишь глубокие старики и малые дети. Отправились в далекий и тяжелый путь и мои отец, мать, сестры. Младший братишка Леонид раздобыл винтовку и упросил Никифорова взять его в отряд. От стариков я узнал, что Никифоров направился с отрядом к станции Куберле на соединение с другими краснопартизанскими отрядами, и решил, не задерживаясь в Платовской, догонять отряд.

На своем пути кавдивизион встретился с сотней казаков из полка Сметанина, который, находясь в отряде Шевкоплясова, изменил красным и перешел на сторону белогвардейцев. В результате стремительной атаки кавдивизиона большая часть казаков была зарублена, часть захвачена в плен. Изменники получили должное за предательство.

Юго-западнее Куберле мы натолкнулись на учебный лагерь белых. Находившееся в этом лагере небольшое учебное подразделение белоказачков с несколькими офицерами-преподавателями было взято в плен. Ночью кавдивизион с захваченными по пути пленными подошел к станции Куберле.

При подходе к станции кто-то обстрелял нас. Мы прекратили продвижение и для выяснения обстановки выслали вперед конный разъезд. Однако и разъезд был обстрелян. Бойцы кричали, подавали сигналы, что они свои, красные, но все было напрасно. Их к станции не подпустили. Кто же в Куберле: красные или белые? Свои сомнения я разрешил конной атакой, для которой дивизион был расчленен на большие дистанции между эскадронами, а бойцы разомкнуты на большие интервалы. И только в ходе атаки выяснилось, что в Куберле свои. Жертв, к счастью, не было, если не считать двух раненых лошадей.

В то время как большинство наших партизанских отрядов собиралось на станции Куберле, чтобы совместно отбиваться от белых и при необходимости отходить к Царицыну, Орловский отряд Ковалева вел тяжелые бои с белоказачками левобережных станиц Дона. Соседний с ним Мартыновский отряд стоял в слободе Большой Мартыновке, не думая помогать попавшему в беду соседу. Под давлением белых отряд Ковалева вынужден был отступить в Большую Мартыновку. Здесь отряды объединились в один Мартыно-Орловский отряд под командованием Ковалева. Однако и после объединения отряд остался на чисто местнических позициях. Партизаны не хотели уходить из родных мест на соединение с другими отрядами. Они считали своим долгом драться только за свои села, за свои хаты и не изменили этому принципу даже после того, как руководители краснопартизанских отрядов, собравшихся в Куберле, предупредили их о надвигающейся опасности и рекомендовали отступить на Куберле или в Зимовники. Мартыно-Орловский отряд остался в Большой Мартыновке, где вскоре был окружен плотным кольцом белоказачков.

В Куберле все краснопартизанские отряды объединились в один отряд под командованием Шевкоплясова. Наш кавалерийский дивизион был пополнен конницей из других отрядов. Командиром дивизиона Шевкоплясов назначил Думенко, а меня – его заместителем.

III. От партизанских отрядов к регулярным частям

1

В эти тревожные и бурные на Дону дни, когда краснопартизанские отряды, собравшиеся на станции Куберле, наконец объединились под общим командованием, все взоры наши были обращены к Царицыну

При поддержке империалистических держав быстро росли силы контрреволюции, но одновременно росли и вооруженные силы пролетарской революции. На юго-востоке России они сосредоточивались в основном у Царицына.

Из Донбасса через Область войска Донского по железной дороге от станции Лихой на Царицын пробивалась 5-я Украинская Красная армия, возглавляемая К.Е. Ворошиловым. К ней присоединились части 3-й Украинской армии, а также партизанские отряды и население, спасавшееся от кровавого террора белогвардейцев.

Этот семисоткилометровый поход через область, представлявшую собой сплошной вооруженный лагерь контрреволюции, был воистину героическим подвигом. Части Ворошилова, связанные тысячами беженцев, прикованные к железной дороге, по которой медленно двигались десятки эшелонов с грузами и людьми, день и ночь отбивались от противника, нападающего и с фронта, и с тыла, и с флангов.

«Целых три месяца, – писал К.Е. Ворошилов, – окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины»⁵.

В исключительно трудное и опасное положение попали части Ворошилова, когда они подошли к Дону и оказалось, что мост через реку взорван. Белые, усиливая нажим, грозили им уничтожением.

Заняв круговую оборону части Ворошилова вступили в жестокую схватку с белоказаками. Одновременно беженцы и свободные от боя бойцы и командиры не покладая рук трудились над восстановлением моста. Камни, булыжник, земля, кирпич – все, что только можно было найти под руками, сбрасывалось в Дон, а потом из шпал возводились временные фермы и прокладывались рельсы. Только благодаря сверхчеловеческим усилиям удалось восстановить мост и переправить эшелоны на левый берег Дона, под Царицын.

В Царицыне положение в то время было крайне неблагоприятным. У руководства местными советскими, партийными и военными органами находились люди либо нерешительные и неспособные, либо провокаторы из эсеров-меньшевистского охвостья. С.К. Минин, возглавляющий советскую власть в городе и царицынские партизанские силы, не всегда правильно разбирался в сложной обстановке, а в ряде вопросов занимал вредную для общего дела позицию. Он недружелюбно относился ко всем пришлым, нецарицынским. Ему хорошо было известно о движении частей К.Е. Ворошилова к Царицыну. Однако он не выступил на помощь им и даже не организовал надежную охрану моста через Дон, что уже граничило с преступлением.

Положение изменилось, когда в июне по решению Центрального Комитета партии в Царицын прибыл И.В. Сталин в качестве чрезвычайного уполномоченного по продовольствию.

⁵ «Красный Флот» № 28 (682) от 4.2.41 г.

Как известно, выполняя свою задачу, ему пришлось провести коренную перестройку работы не только гражданских, но и военных учреждений и фактически возглавить оборону города.

Из частей 5-й и 3-й Украинских армий, краснопартизанских отрядов Донбасса и Донской казачьей области, отошедших к Царицыну, была создана группа Ворошилова, впоследствии (в октябре 1918 года) переименованная в 10-ю Красную армию.

В состав этой армии влились и партизанские отряды Сальского округа, из которых во второй половине июня, когда наш объединенный отряд из Куберле отошел в Зимовники, была сформирована 1-я Донская советская стрелковая дивизия.

Начальником дивизии назначили Шевкоплясова. При формировании ее был создан 1-й социалистический кавалерийский полк, основой которого явился Платовский кавалерийский дивизион, пополненный еще в Куберле за счет кавалерии других отрядов. Командиром кавалерийского полка назначили Думенко, а меня его заместителем.

В Зимовниках 1-я Донская стрелковая дивизия оборонялась недолго. Белые, используя численное превосходство и маневренность своих кавалерийских частей, охватывали наши фланги, стремясь полностью окружить и уничтожить дивизию, и это заставило ее начать общий отход на Дубовское.

Это был исключительно тяжелый отход. Вместе с частями дивизии, под их охраной продвигалось к Царицыну около шестидесяти тысяч беженцев. Семьями, на подводах и пешком уходили они из родных мест, чтобы не попасть в руки озверевших белобандитов. И части дивизии и беженцы терпели невероятные лишения. Не хватало продовольствия, воды, медикаментов. Люди задыхались от жары, гибли от солнечных ударов и безводья. Свирепствовали инфекционные болезни, вплоть до холеры.

Белогвардейцы сковывали дивизию боями с фронта и одновременно врывались с флангов, стремясь создать панику среди беженцев и этим дезорганизовать отход наших частей.

На кавалерийский полк, как на единственную подвижную часть, выпала весьма трудная задача – ликвидировать прорывы противника на фронте и на флангах, не допускать выхода его в тыл дивизии и в голову колонны беженцев.

Полк с полным напряжением сил совместно со стрелковыми частями отражал атаки белоказаков, десятки раз надень переходил в контратаки, ликвидировал прорывы противника, восстанавливал порядок и спокойствие в колоннах беженцев.

Благодаря мужеству бойцов и командиров дивизии отход к Царицыну в условиях невероятных невзгод и лишений проходил организованно. Из трудоспособных беженцев создавались отряды по сбору, обмолоту и помолу зерна, по выпечке и распределению хлеба, по ремонту дорог и мостов, по розыску источников воды.

При участии беженцев в дивизии были созданы санитарные и ветеринарные лазареты.

Выйдя в район станции Ремонтная (пос. Дубовское), 1-я Донская дивизия заняла оборону по правому берегу реки Сал.

Общая обстановка на Дону становилась все более напряженной. Генерал Краснов, закончив в основном формирование Донской белоказачьей армии, перешел в решительное наступление в общем направлении на Царицын.

На юге, в районе Зимовники – Ремонтная, против нашей 1-й Донской стрелковой дивизии и примкнувших к ней партизанских отрядов (Сальская группа советских войск) действовала так называемая степная группа белых войск генерала Попова. Западнее Царицына, в районе чирских станиц на Дону, вдоль железной дороги Лихая – Царицын против группы войск Ворошилова действовала группа войск генерала Мамонтова. Северо-западнее Царицына наступали войска генерала Фицхелаурова.

Стремясь к Царицыну, Краснов хотел отрезать советские части, действующие на Северном Кавказе, оставить их «на съедение» алексеево-корниловской «Добармии». В

дальнейшем он надеялся соединиться с наступающими из Сибири колчаковскими полчищами. Но стремление Краснова к Царицыну объяснялось не только его чисто военно-стратегическими целями. Царицын являлся крупным военно-промышленным городом и важным узлом железнодорожных и водных путей. Могучая Волга связывала Царицын с Астраханью, Красноводском и Баку, а Баку – это нефть, Красноводск – среднеазиатский хлопок, Астрахань – рыба. Через Владикавказскую железную дорогу Царицын связывался со Ставрополией, Кубанью, Северным Кавказом, богатыми хлебом, скотом, шерстью.

Краснов стремился овладеть Царицыном и потому, что этот город был центром сбора южных краснопартизанских сил. Красные партизаны тянулись к Царицыну, так как в лице царицынского пролетариата видели своего боевого союзника в жестокой борьбе с объединенными силами белогвардейцев. Кроме того, партизаны знали, что Царицын – это арсенал оружия, патронов, снарядов. Не было тогда на юге России города, равнозначного Царицыну.

Знали это и красные и белые, знали и стремились во что бы то ни стало – одни удержать его, а другие овладеть им.

Но если к тому времени, о котором идет сейчас речь, красновская армия была уже в основном сформирована, то 10-я Красная армия, прикрывавшая подступы к Царицыну, еще только формировалась. К.Е. Ворошилову, возглавившему командование армией, и И.В. Сталину, вошедшему в состав Реввоенсовета армии, приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях объединять мелкие партизанские группы и отряды, в ходе боев переформировывать их в регулярные воинские части, ломать партизанские привычки и методы работы командного состава, внедрять строгую воинскую дисциплину и порядок, обеспечивать войска оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием.

2

В районе станции Ремонтной (поселок Дубовское) 1-я Донская стрелковая дивизия упорно оборонялась, используя такую водную преграду, как река Сал.

Как-то в эти дни – это было в первой половине июля – ко мне на хутор Ильинка, где расположился наш кавалерийский полк, явился некий Ищенко, с которым я ранее встречался в штабе Ку-берлевского отряда. Он заявил, что в Дубовском состоится совещание и на это совещание надо выделить из полка активистов.

Я встретил Ищенко недружелюбно, и к тому у меня были основания. Он принадлежал к числу тех ободно-партизанских деятелей, которые называли себя пропагандистами и агитаторами, а в действительности были просто болтунами, или, как говорили о них бойцы, бузотерами – любителями говорить, заседать, поучать, но только не воевать. Их было немного, но они очень настойчиво требовали создания солдатских комитетов, таких же, какие были созданы в русской армии после Февральской революции. Они утверждали, что солдатские комитеты необходимы и в Красной Армии – для установления политического ока над командным составом, а то, мол, в среду командиров проникают чуждые революции элементы. В разговоре со мною Ищенко то и дело подчеркивал, что вопросу создания солдатских комитетов придается большое значение и это видно хотя бы из того, что на совещании будут присутствовать прибывшие в дивизию руководители 10-й армии: член Центрального Комитета партии нарком Сталин и крупный военный специалист бывший генерал Снесарев.

Ищенко рассчитывал заполучить на совещание подобных себе болтунов, но я его предупредил, что приду с бойцами и командирами, которые сознательно борются с врагами Республики и хорошо знают по своему опыту, что такое Рабоче-Крестьянская Красная Армия и чем она отличается от старой русской армии.

Совещание происходило в небольшом железнодорожном флигельке. Когда я вошел в него с прибывшими со мной бойцами и командирами, тут уже не было ни одного свобод-

ного места. Оглядывая присутствующих, я искал Сталина, но, не найдя никого, кто бы своим видом выделялся, как мне казалось, должен был выделяться Сталин, я мысленно выругал Ищенко и его компанию – вот ведь действительно бузотеры: на обман пошли, чтобы заманить людей на это никому не нужное совещание.

Выслушав нескольких ораторов, я попросил слово. В своем выступлении я старался как можно убедительней доказать, что время солдатских комитетов отошло, что они нужны были в свою пору для разложения старой русской армии, но теперь они совершенно не нужны нам, поскольку мы должны не разрушать свою армию, а укреплять ее. Я говорил, что бойцы Красной Армии, в подавляющем большинстве своем рабочие и крестьяне, добровольно выступившие на защиту советской власти, сами из своей среды выдвинули командиров, ничего общего не имеющих с офицерским составом старой армии, и, следовательно, нет оснований не доверять им – они способны и без опеки солдатских комитетов поддерживать в частях сознательную революционную дисциплину. Возражая против солдатских комитетов, я предложил выдвигать политбойцов, которые будут проводить разъяснительную работу среди красноармейцев. В заключение своего выступления я сказал, что расцениваю инициаторов создания солдатских комитетов как людей, сознательно подрывающих дисциплину в Красной Армии, и предложил снять с повестки дня этот ненужный и даже вредный для дела вопрос, а инициаторов создания комитетов арестовать и направить в Царицын в распоряжение Реввоенсовета армии.

Многие меня поддержали. Поднялся шум. Когда шум умолк, председательствующий сказал:

– Слово предоставляется товарищу Сталину.

Со стула, поставленного в уголке помещения, поднялся смуглый, худощавый, среднего роста человек. Одет он был в кожаную куртку, на голове кожаная фуражка, утопающая в черных волосах. Черные усы, прямой нос, черные чуть-чуть прищуренные глаза.

Сталин начал свою речь с того, что назвал мое выступление в основном правильным. Говорил он спокойно, неторопливо, с заметным кавказским акцентом, но очень четко и доходчиво. Он сказал, что солдатские комитеты действительно оказали неоценимую услугу социалистической революции: помогли большевистской партии внести сознание в революционное движение солдатских масс, поставить большинство солдат на сторону советской власти и подорвать авторитет реакционного офицерства.

Подчеркнув роль, которую сыграли солдатские комитеты в старой армии, Сталин затем полностью поддержал меня в том, что в Красной Армии создавать солдатские комитеты не нужно – это может посеять недоверие к командирам и расшатать дисциплину в частях. Одобрительно отнесся он и к моему предложению о политбойцах. Он сказал, что, по его мнению, обстановка требует создания института политкомов подразделений, частей и соединений, которые должны обеспечивать своей политической работой выполнение задач, поставленных перед войсками, и руководить воспитанием бойцов в духе преданности советской власти.

Предложение арестовать инициаторов этого совещания Сталин отверг. Он сказал, что если поднимается какой-нибудь вопрос, то его надо обсуждать, хорошее принять, плохое отклонить.

Кончая, Сталин попросил участников совещания высказаться о целесообразности введения института политкомов. Все высказались за политкомов и предложили тут же принять решение в этом духе, но Сталин сказал, что на совещании конкретного решения принимать не следует, и заверил нас, что Реввоенсовет учтет высказанные нами пожелания. На этом совещание окончилось.

Когда все вышли на улицу, Сталин подозвал меня к себе и стал расспрашивать: кто я по социальному происхождению, какой частью или подразделением командую, какое имею

образование. Когда я ответил на эти вопросы, Сталин попросил меня рассказать о том, что я делал после Февральской революции. Я доложил все, что его интересовало.

– Ну вот теперь мы с вами хорошо знакомы, – сказал Сталин и пожал мне руку.

Присутствующий при нашем разговоре бывший генерал-лейтенант старой армии Снесарев – он состоял при Сталине в качестве военного специалиста – обратился ко мне с вопросом:

– В каких случаях вы можете идти в атаку в конном строю на пехоту противника?

Это, очевидно, была проверка моих военных знаний.

Я ответил:

– Во-первых, когда боевые порядки пехоты расстроены, во-вторых, при преследовании противника и, в-третьих, при внезапном нападении.

Снесарев сказал:

– Правильно, – и, обращаясь к Сталину, заметил: – службу знает.

После этого я подал прибывшим со мною бойцам и командирам команду:

– По коням!

Люди, прибывшие со мною в Дубовское, были все как на подбор, подтянутые, лихие всадники, на хороших лошадях. Заметив, что Сталин с интересом смотрит на моих конников, я подъехал к нему. Он еще раз пожал мне руку и сказал, что бойцы и командиры-кавалеристы произвели на него хорошее впечатление.

Мы направились в свой полк, а Сталин со Снесаревым в сопровождении Шевкоплясова и других командиров пошел к себе в вагон, стоявший на станции.

Так состоялась моя первая встреча с И.В. Сталиным.

3

К концу июля 1918 года белоказаки расположили свои части по правому берегу Дона, заняв исходное положение для наступления на Царицын по линии Калач, Нижне-Чирская, Верхне-Курмоярская. С юга, из района Великокняжеской, против Сальской группы красных войск приготовился к наступлению отряд белых полковника Полякова. Группа войск, непосредственно защищавшая Царицын, к этому времени занимала оборону по линии населенных пунктов: Качалино, Карповка, Кривомузгинская, Громославка. Далее на юг от Царицына вдоль Владикавказской железной дороги располагались отдельными гарнизонами, главным образом на станциях, Сальская группа красных войск. 1-я Донская стрелковая дивизия обороняла пос. Дубовское (ст. Ремонтная). Наш кавалерийский полк стоял в селе Ильинка.

В этом селе произошла моя первая встреча с К.Е. Ворошиловым. О его прибытии в дивизию, на ст. Ремонтную, я не знал, так как только что вернулся из глубокой разведки в расположение белых. Послав донесение начдиву, я занялся выездкой молодой лошади. За этим делом, которое я никогда не оставлял, отдавая ему свободное от боевых действий время, К.Е. Ворошилов и застал меня, приехав в наш полк.

Приезд к нам Климента Ефремовича был вызван его особым интересом к кавалерии: в 10-й армии кавалерийских частей было еще мало, и он думал о том, как их наиболее эффективно использовать против многочисленной конницы белогвардейцев.

Ворошилов произвел на меня глубокое впечатление. Я видел перед собой революционера-большевика с большим политическим кругозором и твердой верой в победу революции, которой он посвятил себя всего без остатка. Все в нем: и убедительная логика в суждениях, и прямой открытый взгляд, и плотно сбитая фигура, и энергичные жесты – все в нем было как-то в ладу.

Это расположение к Ворошилову сразу же толкнуло меня на мысль попросить его выступить перед бойцами. Климент Ефремович охотно согласился. Я тут же отдал приказание собрать полк. Полк быстро собрался, и Климент Ефремович поднялся на окруженную бойцами пулеметную тачанку. Речь его была короткой, простой, но очень убедительной. Он говорил, что такое советская власть и как ее надо защищать, каждым своим словом внушая уверенность в силы рабоче-крестьянской власти.

После выступления Ворошилова я от имени всех бойцов поблагодарил его за добрые слова и дал обещание, что все мы будем защищать Советскую республику до последнего удара сердца.

На состоявшемся затем совещании командования нашей дивизии Климент Ефремович поставил вопрос о помощи Мартыно-Орловскому партизанскому отряду, который все еще находился в окружении белоказаков.

Шевкоплясов, начальник штаба дивизии Крутей, а за ними и Думенко тотчас же стали доказывать, что в условиях активизации белых и при недостатке боеприпасов в дивизии она не сможет выручить мартыно-орловских партизан: не хватает сил даже отбиваться от белых – куда уже тут выручать!

– А дивизии двигаться на выручку партизан и не следует, – ответил Климент Ефремович. – С этой задачей может справиться один кавалерийский полк. Как вы, товарищ Буденный, смотрите на это дело? – спросил он меня.

Я ответил, что с его предложением полностью согласен – надо спасти наших людей, истекающих кровью и гибнущих от голода, и попросил разрешить кавалерийскому полку двинуться на выручку Мартыно-Орловского отряда.

Климент Ефремович сказал, что сам поедет с полком, и велел готовить полк к рейду. Видимо, почувствовав, что кое-кто из командования дивизии не склонен придерживаться боевого закона: «Сам умирай, а товарища выручай», Ворошилов напомнил всем, что большевики не бросают друзей в беде. После этого Думенко сказал, что хотя он и больной, но в рейд поедет на тачанке.

Подготовка к рейду не представляла сложности, так как наш полк всегда находился в боевой готовности. Надо было только, учитывая предстоящие действия в тылу противника, взять с собой достаточный запас боеприпасов, а также дополнительные санитарные линейки и медикаменты в расчете на обслуживание Мартыно-Орловского отряда.

Докладывая Ворошилову о готовности полка к рейду я изложил и свой план действий. Он заключался в следующем. Ночью полк в заранее разведанном месте двумя колоннами переходит линию фронта противника и следует в направлении Большой Мартыновки; дивизион Баранникова движется по правому берегу реки Сал в направлении хутора Рубашкин, а главные силы полка идут через Кутейниково, Иловайская на хутора Кегичев и Арбузов, расположенные южнее Большой Мартыновки.

Обе колонны должны подойти к Большой Мартыновке одновременно и внезапно атаковать противника.

Командующий армией одобрил предложенный мною план. Чтобы облегчить действия кавалерийского полка, он приказал стрелковым частям дивизии выдвинуться на рубеж реки Куберле в район Зимовников и приковать к себе внимание белых.

В час ночи 29 июля полк выступил в рейд. Климент Ефремович следовал с полком.

Местность мне была хорошо знакома, поэтому я, не заходя в хутора, где могло быть сторожевое охранение противника, повел полк на Кутейниково. В Кутейниково и Иловайской мы внезапно атаковали находящиеся там три сотни казаков. Часть белогвардейцев была зарублена, а часть поспешно отошла на запад.

В 7 часов вечера главные силы полка ворвались в хутора южнее Большой Мартыновки. К этому же часу дивизион Баранникова, двигавшийся по правому берегу Сала, перехватывая встречавшиеся на пути разъезды белых, занял хутор Рубашкин и приготовился к атаке.

По общему сигналу полк стремительно атаковал противника. Белоказаки укрылись в окопах и открыли сильный огонь.

Мартыно-орловцы, почувствовав помощь, перешли в наступление. Их кавалерийский дивизион атаковал противника из Большой Мартыновки навстречу нашим атакующим эскадронам. Началась жестокая схватка. Натерпевшиеся от белоказачьих мартыно-орловцев дрались с отчаянной храбростью.

Атакованные с севера и юга, белые были разгромлены. Захватив у противника несколько пушек и много лошадей, полк вступил в Большую Мартыновку. Голодные, изнуренные тридцатисемидневной осадой героические бойцы Мартыно-Орловского отряда и жители села со всех сторон бросались к нашим конникам. Безмерна была радость освобожденных. Они обнимали и целовали своих освободителей и их боевых коней. Огромная толпа окружила Ворошилова, измученные люди тянулись к нему со слезами счастья на глазах.

За время осады Большая Мартыновка сильно пострадала. Хорошо снабженные немцами белогвардейцы имели достаточно боеприпасов. Они выпустили по Большой Мартыновке тысячи снарядов и непрерывно поливали осажденных ружейно-пулеметным огнем. Мартыно-орловцы были плохо вооружены, и их скудные боеприпасы стали быстро иссякать.

Десятки раненых бойцов и жителей нуждались в лечении, а медикаментов не было. Положение отряда казалось безвыходным, однако мартыно-орловцы верили, что советская власть, за которую они проливали кровь, не забудет их, придет на помощь. Они неоднократно посылали своих бойцов для установления связи с 10-й Красной армией, но они неизменно попадали в руки белогвардейцев. И вот все же Красная Армия пришла к ним на помощь и разгромила противника, державшего их в осаде.

Трудно было переоценить победу под Большой Мартыновкой. Она имела исключительно важное значение для подъема боевого духа частей 10-й армии. Последнее время, непрерывно теснимые белогвардейцами, они отступали, не имея значительных побед, и это, конечно, не могло не сказаться на моральном состоянии бойцов. А теперь они увидели, что, несмотря на превосходство белых и в вооружении и в численности, их можно успешно бить.

В приказе по 10-й Красной армии К.Е. Ворошилов поблагодарил бойцов и командиров кавалерийского полка за блестящий успех в операции по освобождению Мартыно-Орловского партизанского отряда и поставил полк в пример всем частям армии.

7 августа Мартыно-Орловский отряд совместно с нашим кавалерийским полком отошел в район станции Зимовники, куда к этому времени вышли наши стрелковые части, и здесь был реорганизован в Мартыно-Орловский стрелковый полк 1-й Донской стрелковой дивизии. Это был шестой и самый большой по численности полк дивизии. Здесь же наш кавалерийский полк развернулся в кавалерийскую бригаду в составе двух кавалерийских полков, Особого резервного кавалерийского дивизиона и четырехбатарейного дивизиона артиллерии.

В каждый полк входило пять эскадронов, в эскадрон – четыре сабельных взвода с одним станковым пулеметом на тачанке. Особый резервный кавалерийский дивизион состоял из трех эскадронов. Полки бригады имели свои санитарные и ветеринарные подразделения, а также обозы первого и второго разрядов.

Санитарную службу бригады возглавил замечательный хирург Петров. В нем сочетались качества искусного специалиста – медика и храброго бойца. Руководить лазаретом было поручено Н.И. Буденной.

4

4 августа белые перешли в наступление на Царицын. На нашем участке, развивая наступление, противник форсировал Дон южнее Курмоярской и, продвигаясь на восток, захватил ст. Ремонтную. Таким образом, 1-й Донской стрелковой дивизии, оставшейся на оборонительном рубеже в Зимовниках, путь движения на север для соединения с частями 10-й армии был отрезан. К 8 августа противник, продолжая наступление, занял ст. Кривомузинскую, Иловлю, Качалино. Войска 10-й армии отошли на Котлубань, Басаргино, Тингута. В этих условиях 1-я Донская стрелковая дивизия начала движение на север вдоль железной дороги, чтобы с боем пробиться к основным силам 10-й армии. Это был трудный, но имея в виду связывающие нас железнодорожные эшелоны, единственный путь спасения дивизии.

Как уже было сказано, с 1-й Донской стрелковой дивизией на восток к Царицыну двигались тысячи беженцев. С освобождением Мартыно-Орловского отряда число беженцев возросло до восьмидесяти тысяч. Эта громадная масса людей двигалась пешком, на подводах, в железнодорожных эшелонах. Люди везли с собой свое скудное имущество, гнали скот.

Стояла жара, сохла растительность, над дорогами висли тучи едкой пыли. В районе между Зимовниками и Котельниковским нет хорошей пресной воды, озера и речки здесь, за редким исключением, горько-соленые. Люди и животные страдали от мучительной жары и жажды, задыхались от пыли, изнемогали от голода. Слабые не выдерживали, падали и умирали либо от голода и жажды, либо от широко распространившихся инфекционных болезней. Страшно было смотреть, как измученные люди вместе с животными припадали к грязным, кишасим всякой гнусью лужам, возле которых лежали умирающие. Ко всему этому беженцы находились в постоянном страхе попасть под пули, снаряды и сабли белогвардейцев. Этот страх неизмеримо возрос, когда беженцы совместно с охранявшей их дивизией попали в полное окружение.

И все-таки надо было двигаться вперед, пробиваться через фронт белых на соединение с 10-й армией. Другого выхода не было. Остаться на месте значило погибнуть от голода, безводья, жары и болезней или быть истребленными белогвардейцами. Путь к спасению лежал на восток, к Царицыну, через Дубовское, занятое белогвардейцами.

Дивизия сомкнула свое кольцо вокруг беженцев и начала движение в направлении Дубовского (ст. Ремонтная). Можно себе представить все трудности обороны громады беззащитных людей. Беженцы связывали дивизию по рукам и ногам, лишали ее маневра, ослабляли боеспособность. Положение дивизии было бы почти безвыходным, если бы она не располагала такой подвижной, закаленной в боях силой, как кавалерийская бригада. Бригада непрерывно находилась в боях, маневрируя с одного направления на другое, отражая атаки противника, стремившегося истребить дивизию и беженцев.

К середине августа дивизия подошла к станции Ремонтной, занятой белыми. Кавалерийская бригада ночью форсировала реку

Сал и со стороны Андреевской внезапно атаковала противника в Дубовском. Белые, не выдержав натиска бригады, в беспорядке отступили на северо-запад, бросая на пути своего отхода оружие и убитых. Однако противнику удалось взорвать железнодорожный мост через реку Сал и тем задержать движение наших стрелковых частей и беженцев.

Мост пришлось восстанавливать под воздействием противника, наступающего с флангов и тыла. Кроме бойцов дивизии в работе участвовали все трудоспособные беженцы, даже женщины и дети. В основном работы проводились ночью, а днем под прикрытием дымовой завесы отражались атаки яростно нападавших белогвардейцев. Наконец мост был восстановлен. Первыми переправились на восточный берег реки Сал беженцы, а затем уже части дивизии.

Из Ремонтной и Дубовского под нажимом частей полковника Полякова мы двинулись дальше на Котельниковский, рассчитывая там соединиться с Котельниковской стрелковой дивизией Штейгера. Однако при подходе к Котельниковскому наша разведка установила, что станция и село заняты белой конницей. Оказалось, что, продолжая наступление, противник почти вплотную подошел к Царицыну, а Котельниковская дивизия отступила на рубеж реки Аксай Есауловский.

К 19 августа положение изменилось. Части 10-й армии отбросили противника от Царицына и перешли в наступление. На юге от Царицына Котельниковская дивизия начала теснить пехоту белых.

Ночью 19 августа наша кавалерийская бригада с ходу атаковала белоказачков в Котельниковском. После короткого и ожесточенного боя казаки, потеряв много убитыми и пленными, отошли в направлении станицы Потемкинской. Не задерживаясь в Котельниковском, бригада устремилась на тылы казачьих частей, наступавших на Котельниковскую стрелковую дивизию. Ошеломленные внезапным ударом, казаки прекратили наступление и, преследуемые нашими конниками, в беспорядке отступали к Дону.

В результате этого боя 1-я Донская стрелковая дивизия вышла из окружения противника и спасла тысячи беженцев.

5

Первая попытка белогвардейцев овладеть Царицыном закончилась для них провалом. Но к 10 сентября противник, сосредоточив крупные силы, вновь перешел в наступление на Царицын. Главный удар противником наносился с юго-запада в направлении Тингута – Абганерово. К 2 октября белые захватили Гнилоаксайскую, Абганерово и вновь отрезали от Царицына южную (Сальскую) группу войск 10-й Красной армии.

Развивая наступление, белогвардейцы к 17 октября вторично окружили Царицын, заняв все подступы к нему по берегу Волги, от Пичуги на севере до Сарепты на юге. Одновременно противник стремился полностью окружить и уничтожить Сальскую группу войск. С этой целью белые предприняли наступление с севера, из района станции Жутово, и с юга, из района станции Куберле. Но наши части перешли в контрнаступление и 20 октября овладели станцией Жутово, а затем захватили Абганерово.

В это же время на ближайших подступах к Царицыну, сосредоточив большие силы, белогвардейцы начали яростный штурм города. Волна за волной с гиком и свистом, как тучи саранчи, катились белоказачьи полки на позиции наших поредевших частей. Героические защитники Царицына переживали критические минуты. Казалось, что превосходящие силы врага сомнут жидкие цепи нашей пехоты и хлынут в город. Но этого не случилось. Царицынский пролетариат грудью встал на защиту родного города. Самоотверженным трудом рабочих были подготовлены и оснащены артиллерией несколько бронепоездов. Эти бронепоезда и умело сосредоточенная Реввоенсоветом 10-й армии артиллерия стрелковых частей стали героями сражения. В решающий момент они открыли ураганный огонь. В течение продолжительного времени на центральном участке обороны Царицына стоял потрясающий грохот. Тучи дыма и земли вздымались к небу, закрывая солнце. И когда дым рассеялся, а земля осела, защитники города увидели беспорядочно удиравшие толпы белоказачков.

Неожиданно началось бегство белогвардейцев и на южном участке обороны. Оказалось, что подошедшая с Северного Кавказа стрелковая дивизия Жлобы нанесла противнику внезапный удар в тыл у Сарепты. Воспользовавшись успехом бронепоездов, артиллерии и дивизии Жлобы, стрелковые части 10-й армии, напрягая все свои физические и моральные силы, перешли в контрнаступление и, отбросив противника к Дону, 22 октября заняли Вертячий, Карповку и Тингуту.

Однако, оправившись от поражения, белые, располагая крупными конными массами, перегруппировались и вновь активизировали свои действия. На юге в районе Котельниковского против Котельниковской, 1-й Донской стрелковых дивизий и кавалерийской бригады, занимавших оборону в Абганерово и по реке Мышковка, сосредоточивалась группа генерала Попова. Используя подвижность своих конных частей, противник стремился овладеть инициативой и начать новое наступление.

В ночь на 2 ноября конница белых предприняла набег на Абганерово. Абганерово обороняли части 1-й Донской стрелковой дивизии, занимая позиции по окраине села. В самом селе располагалась кавалерийская бригада, составляя резерв дивизии. Воспользовавшись беспечностью боевого охранения и прикрываясь сильным туманом, противник в пять часов утра подошел вплотную к Абганерово и атаковал нашу оборонявшуюся пехоту. Удар был не столько сильным, сколько неожиданным. Некоторые стрелковые подразделения бросили оборонительный рубеж и дали возможность передовым конным группам противника ворваться в Абганерово.

Кавбригада тоже фактически была застигнута белогвардейцами врасплох. Однако мужественные и уже закаленные в боях бойцы и командиры бригады не поддались панике. Бойцы, первыми заметившие белых, сразу же, не ожидая команды, встретили их огнем. Отдельные командиры подразделений, построив своих бойцов, уже организованно наносили удары передовым группам противника. А тем временем кавбригада, успевшая собраться по тревоге в ранее установленном месте, перешла в контратаку. Авангардные части противника все еще пытались, хотя и робко, атаковать Абганерово, но, встретив нашу стремительную контратаку, отошли, оставив на поле боя батарею четырехорудийного состава и шесть пулеметов.

К 7 часам утра туман начал рассеиваться и на подступах к Абганерово показались главные силы белогвардейцев. Кавбригада немедленно перешла в атаку, смяла передовые подразделения противника, а затем атаковала его главные силы. Противник не выдержал удара и стал поспешно отходить в южном направлении, разделившись при этом на две группы. Первая группа белых в составе не менее четырех полков отходила в направлении хутора Самохин, а вторая в составе трех полков – на хутор Жутов второй. Оценив создавшуюся обстановку, я отдал распоряжение, которое сводилось к следующему: 1-му кавалерийскому полку Городовикова с эскадроном 2-го кавполка преследовать группу противника, отступающую в направлении хутора Жутов второй, разгромить ее и к исходу дня сосредоточиться в этом хуторе. Трем эскадронам 2-го кавполка Маслакова и Особому резервному кавдивизиону преследовать противника, отступающего на хутор Самохин.

Преследование велось весь день. Белогвардейцы в панике бежали по степи, бросая на своем пути оружие, лошадей, обозы, санитарные линейки.

С наступлением темноты Маслаков со своей группой прекратил преследование противника и вместе с захваченными трофеями и пленными возвратился на ночлег в хутор Самохин, где к этому времени расположился штаб бригады.

Узнав в Самохине, что связь с Городовиковым потеряна, я решил лично проехать в хутор Жутов второй, так как совершенно не сомневался, что Городовиков именно там. Предупредив об этом командира 2-го кавполка Маслакова, я сел на коня и вместе со своим ординарцем Николаем Кравченко поскакал к хутору Жутов второй. Когда мы подъехали к хутору, там царил тишина. Несмотря на темную ночь, по некоторым признакам мы сразу определили, что на хуторе расположилась кавалерия, и въехали в крайний двор, чтобы узнать, где остановился Городовиков. Ординарец заботливо закрыл за собой ворота. Мы спешили. И вдруг я вижу, что во дворе – белые казаки. Их можно было отличить от красных бойцов даже в темноте: казачьи лошади имели длинные хвосты, а красные кавалеристы подрезали хвосты своих лошадей по скакательный сустав. Кроме того, казаки носили винтовку через

правое плечо, а красные бойцы – через левое. Все знали, что если у бойца ствол винтовки виден из-за левого плеча – это красный, если же из-за правого – белый.

Так неожиданно мы оказались в ловушке. Выскочить со двора, не вызывая подозрения, уже невозможно было: казаки – их находилось во дворе человек двенадцать – сразу обратили бы на нас внимание. Только хладнокровие могло спасти нас. Тихонько предупредив ординарца, что мы попали к белым, и приказав ему называть меня станичником, я обратился к казакам.

– Скажите, станичники, вы не из семьдесят второго полка?

Я назвал номер белогвардейского полка, потрепанного нами за хутором Самохиным.

– Нет, – отвечают казаки.

– Вот беда, – сокрушаюсь я, – путаемся, путаемся, так и к красным угодить можно.

– Постой, постой! А почему, станичники, у ваших лошадей хвосты подрезанные? – спрашивают казаки.

– Э, братуха, тут такая каша заварилась, что и сам стриженный будешь. Убили наших лошадей в бою. А куда казак без лошади! Хорошо еще, что захватили лошадей у красных.

– Да, бывает, – подтвердили казаки. – Ваш полк отступил правее, должно быть, там его и нужно искать.

Ну, думаю: винтовок у нас с ординарцем нет, лишь шашки и револьверы, следовательно, второй признак, по которому нас могут признать как красных, отпадает.

– Так мы, станичники, если вы не против, останемся здесь ночевать, а утром поедem искать свой полк. Ночью и в беду попасть нетрудно.

– Это верно, – согласились казаки. – Оставайтесь, места хватит. Ставьте лошадей да идемте в хату. Хозяйка у нас хорошая – молоко и сало приготовила.

– Спасибо, – ответил я, – это будет не лишне. Вот мой приятель что-то заболел, бедняга, – пусть полежит, а я лошадей пока уберу.

– Да это у него с перепугу, – засмеялись казаки. – Добре, видно, красные прижали, коли свой полк потеряли.

Все как будто обходилось благополучно. Но одного еще я опасался: а вдруг среди белых окажутся казаки из Великокняжеской или из хуторов Дальнего и Жеребкова? Там почти все знали меня в лицо. К счастью, эти опасения оказались напрасными.

Казаки, больше не обращая на нас внимания, оживленно обсуждали результаты дневного боя. Прислушавшись к их разговору, я понял, почему в хуторе белые, а не Городовиков со своим полком.

События развивались так.

Полк Городовикова преследовал конницу противника до хутора Жутов второй. Пластунский батальон белых, оборонявший этот хутор, пропустил через свои цепи отступающую конницу белых и открыл огонь по эскадронам Городовикова. Этот внезапный и сильный огонь смешал их боевые порядки и остановил наступление полка. Казаки этим немедленно воспользовались и перешли в контратаку. Городовиков поспешно отступил и ушел в Абганерово.

Потолковав о бое, казаки замолчали, а потом один из них начал рассказывать, как при преследовании красных он чуть было не захватил в плен Буденного.

– Как только мы стали преследовать красных, – рассказывал казак, – я сторонкой, сторонкой да вперед... Конь, вы знаете, станичники, у меня добрый, резвости не занимать... Прижимаю этак я и вижу: скачет Буденный!

– Врешь, – говорит другой казак. – Откуда ты знаешь Буденного?

– Э, братуха, да как же не знать! Усы черные вразлет, сам вроде не так уж велик, но плотный. Да хотя бы не знал раньше, но как увидел коня – буланый с черным ремнем по

спине, на лбу звездочка, хвост черный, а грива, что тебе ворона крыло, – так и подумал: это он, а не кто другой.

– У кого хвост и грива черные? У Буденного нетто?

– Да ты ты! Я же сказал, что у коня его. Не перебивай, братуха... Так вот, станичники, увидел я Буденного и думаю: пан или пропал. Сгину или пымаю его, чертяку. Жму что есть духу. Он вроде бы подпустил меня к себе. А потом как прижмет, прижмет, да куда там – как не бывало... Смотрю, он опять предо мною и к тому же смеется, леший. Ну, думаю: я тоже не кислым молоком мазанный. Ударил за ним снова. Кажется, не скачу, а лечу. Зло берет, а догнать не могу. Верь или не верь, братуха, – обращается рассказчик к рядом стоящему казаку, – все равно что ты бы уходил галопом, а я стоял на месте. Вот это конь – сколько живу, но таких не видел. Гнался я, гнался, оглядываюсь, а наших нет. Плюнул, выругался и вернулся.

– Так и не пымал Буденного?

– Не пымал, – сокрушенно ответил рассказчик. – До сих пор не пойму: или Буденный колдун, или конь его сатана, – заключил он.

Казак складно врал – душу отводил, но надо отдать ему должное – масть моего коня он знал во всех подробностях... Трудненько было бы нам с ординарцем, если бы мы приехали в хутор засветло.

Вскоре казаки пошли со двора в хату ужинать. Мы решили, что нам надо уходить подобру-поздорову. Но только мы собрались выехать за ворота, как во двор ввалилось человек двадцать казаков во главе со старшим урядником. Из разговора казаков я понял, что их взвод назначен в сторожевую заставу. Недолго думая я подошел к уряднику, сказал ему, что мы из 72-го полка, и попросил разрешения вернуться в свою часть.

– Чего здесь путаетесь? – буркнул он и, не став ждать ответа, сообщил мне пропуск.

Приехав в хутор Самохин, я поднял полк Маслакова по тревоге и приказал ему под покровом ночи подойти к хутору Жутову, окружить расположенного там противника и стремительной атакой со всех четырех сторон разгромить его. Для захвата полевых караулов белых была выделена специальная группа разведчиков, которой я сообщил полученный от урядника пропуск. Пропуск был превосходно использован нашими разведчиками. Благодаря ему они без выстрела сняли полевые караулы белогвардейцев.

В четыре утра полк Маслакова обрушился на спящего противника. Оказать серьезное сопротивление он, конечно, не мог, хотя в Жутове располагались три полка кавалерии и пехота белых. Лишь небольшая часть белогвардейцев вырвалась из хутора и в панике убежала в степь. Остальные были пленены, те, кто оказал сопротивление, зарублены. Все пленные были построены на северной окраине хутора. Я подъехал к ним и поздоровался:

– Здравствуйте, станичники!

Пленные в один голос гаркнули:

– Здравия желаем, ваше превосходительство!

В ответ на это грянул хохот стоявших за мной бойцов.

– Вот сукины дети беляки – вспомнили превосходительство! – смеялись наши бойцы.

Я обратился к пленным:

– Кто, станичники, ночевал сегодня со мной в Жутове, выходи!

Никто не выходит, все молчат. Я говорю им, в каком именно доме был ночью, но и это не помогает.

– Так что же, выходит, я не был вашим гостем? Хорошо. Тогда кто же из вас рассказывал, как он ловил Буденного?

Еще одна минута молчания, а потом, смотрю, выходит из строя чубатый казак.

– То я так... брехал, – робко озираясь, говорит он.

– Здорово, казак, врешь. А откуда же ты все-таки знаешь мою лошадь?

– Да мне тут один станичник рассказывал, – отвечает он.

Пленные не могли поверить, что я действительно был у них на хуторе.

– А когда же вы от нас уехали? – спрашивали они.

– Тогда, станичники, когда вы ели сало и пили молоко, – ответил я.

– Да не может этого быть! – не верили казаки.

В заключение я сказал:

– Вас обманули лживой агитацией и заставили воевать против своих братьев по труду. А чтобы вы не сдавались в плен, вам говорят, что красные расстреливают всех пленных. Это ложь! Мы гарантируем вам жизнь, и вы можете сейчас же написать об этом своим родным и соседям.

После того как я это сказал, пленные почувствовали себя непринужденно. Начались оживленные разговоры. Один из пленных, на вид бравый казак, спросил меня:

– А правда, что вас пуля и сабля не берет и что вы наперед знаете, о чем думает наш командир полка, и все делаете наоборот?

Я посмеялся и стал рассказывать, за что мы воюем и почему победа будет за нами.

Тут же, приспособив бумагу на коленях, пленные казаки принялись писать письма. Потом они выбрали из своей среды девять человек, которым было поручено пойти в тыл белых – разнести письма родным и передать станичникам наказы своих товарищей, оставшихся в плену.

Пленные офицеры – двадцать семь человек – были выстроены отдельно, и я сообщил им, что офицеров мы тоже не расстреливаем, если они честно отказываются от продолжения борьбы с советской властью.

В донесении, отправленном командованию, я просил рассмотреть вопрос о дальнейшей судьбе пленных и предлагал повести решительную борьбу с расстрелами пленных, которые в тот начальный период Гражданской войны в некоторых партизанских отрядах практиковались как ответ на террор белых.

У белогвардейцев массовые расстрелы пленных красноармейцев и населения, сочувствующего советской власти, были введены в систему. Они пытались этим запугать народ, заставить его под страхом смерти служить их интересам.

Но расстрелы приводили к обратному: красноармейцы в плен не сдавались, а трудящееся население бежало от белых на советскую территорию.

Вместе с тем белогвардейская пропаганда неустанно твердила о красном терроре: «Не пойдешь сражаться с красными антихристами – они придут к тебе в дом, убьют и тебя и твою семью; сдашься им в плен – расстреляют. Значит, один выход – бороться против красных до полной победы».

И надо сказать, что на некоторых солдат и особенно казаков эта пропаганда белых действовала. Попав в плен, они считали себя обреченными на смерть и никак не могли поверить, что их оставят живыми или, как это порой бывало, возьмут слово, что больше не будут подымать оружия против советской власти, и отпустят домой.

Между тем в частях белых было много обманутых и насильно мобилизованных крестьян и неимущих казаков, которых легко было бы привлечь на свою сторону. И среди командного состава белогвардейцев находились люди, начинавшие понимать, что бороться против советской власти – это значит бороться против народа, люди, по своим взглядам не имевшие ничего общего с верхушкой белогвардейщины, но до поры до времени не решавшиеся открыто выступить против нее и перейти на сторону красных.

6

В результате боев под Абганерово, в хуторах Самохин и Жутов второй частям генерала Попова было нанесено серьезное поражение. Обстановка диктовала необходимость преследования белых до полного разгрома. Но кавбригада не могла отрываться от своих стрелковых частей, так как это лишило бы нашу оборону на южном участке фронта 10-й армии ее единственной подвижной силы.

Кавбригада снова сосредоточилась в Абганерово как резерв 1-й Донской стрелковой дивизии, которая вместе с Котельниковской дивизией заняла оборону по реке Мышковке, расположив основные силы для обороны населенных пунктов: Громославка, Капкинский, Шелестов. Штаб 1-й Донской дивизии располагался в Абганерово.

Оправившись от удара нашей бригады, белые вновь предприняли наступление. Однако все атаки противника были отбиты с серьезными для него потерями. Потерпев неудачу в попытке прорвать оборону наших частей на южном участке фронта 10-й армии, белогвардейцы оставили перед фронтом 1-й Донской дивизии Астраханскую пехотную дивизию генерала Виноградова и кавалерийские части генерала Голубинцева, а остальные части перебросили в район Ляпичев, Карповка, Котлубань для использования на центральном участке фронта.

Во второй половине ноября, в период обороны дивизии на реке Мышковка, я решил лично провести глубокую разведку противника в направлении населенного пункта Аксай, где, по имеющимся данным, располагались крупные силы белых. С этой целью я отобрал семь лучших бойцов и одел их в казачью форму с погонами. Мы выехали ночью, а на рассвете уже свободно разъезжали по селу Аксай. Охранение у противника было организовано плохо, благодаря чему нам без особого труда удалось выяснить расположение, численность и вооружение его. Оказалось, что боевой порядок пехотной дивизии генерала Виноградова построен в один эшелон и что оборона белых в районе Гнилоаксайской не имеет ни траншей, ни окопов на подразделения. Солдаты занимают наспех отрытые одиночные окопы. Разведкой было установлено также, что штаб генерала Виноградова располагается на станции Гнилоаксайской, а в селе Аксай находится штаб генерала Голубинцева, под командой которого пять кавалерийских полков, расположенных в Аксае.

В результате разведки у меня созрел план разгрома Астраханской пехотной дивизии белых. В основном план сводился к следующему: кавалерийская бригада ночью внезапно атакует конницу Голубинцева, расположенную в Аксае, отбросит ее на юг, а затем, частью сил прикрывшись от конницы белых, быстро выйдет на тылы Астраханской дивизии Виноградова и атакует ее одновременно с 1-й Донской стрелковой дивизией, которая будет наступать с фронта.

Этот простой по замыслу план не требовал длительной подготовки к операции и был легко осуществим.

Утром, вернувшись в расположение бригады, я нанес свое решение на карту, составил к нему пояснительную записку и направился в штаб дивизии.

В штабе дивизии я застал Шевкоплясова, Думенко и командира Котельниковской дивизии Штейгера. Неожиданно для меня тут находился и командарм 10 Ворошилов.

Климент Ефремович сидел, остальные стояли. Шел бурный разговор. Я поздоровался, присел на стул и стал внимательно прислушиваться к говорившим. Речь шла, как я сразу понял, о том, что надо наступать. К.Е. Ворошилов убеждал, что при создавшихся условиях оборона наших частей должна быть активной и что ударом по противнику на некоторых участках можно изменить обстановку в нашу пользу.

Шевкоплясов, Штейгер, а за ними и Думенко пытались доказать, что мы не в состоянии наступать. Противник, заявляли они, окопался и хорошо вооружен, а наши дивизии растянуты на широком фронте и почти не имеют боеприпасов.

– Хорошо еще, если мы сможем удержать занимаемые позиции, – говорил хриплым простуженным голосом Шевкоплясов, поминутно приглаживая свои жидкие рыжие усы.

Но Климент Ефремович все же продолжал настаивать на наступлении. Обращаясь к Шевкоплясову, он сказал, что тот, кто сидит сложа руки, никогда не дожидется победы. Говоря о том, что 1-я Донская дивизия, имеющая в своем составе кавбригаду, обладает всеми возможностями нанести удар белым, Ворошилов сказал, что, по его мнению, удар наиболее целесообразно нанести на Аксай и Гнилоаксайскую кавалерией с тыла, а пехотой с фронта. Выразив полную уверенность, что эта операция будет успешной и создаст благоприятные условия для дальнейшего наступления, Ворошилов обернулся ко мне.

– Как вы смотрите, товарищ Буденный? – спросил он.

Вместо ответа я вынул свою карту с планом намеченной операции и положил ее перед Ворошиловым. Климент Ефремович внимательно изучал мой план, а я тем временем докладывал все подробности его.

– Вот видите, – сказал Ворошилов, – я же с человеком не сговорился, а предлагаем мы с ним одно и то же. И это потому, что такая операция в ваших условиях сама напрашивается. Она действительно проста по замыслу, как сказал товарищ Буденный, и реальна по выполнению.

Выслушав мнение начдивов, К.Е. Ворошилов тут же приказал готовиться к операции и добавил, что он не уедет из Абганерова, пока пехотная дивизия генерала Виноградова не будет разбита.

25 ноября вечером бригада выступила из Абганерова в направлении Аксай и, ночью скрытно подойдя к нему, заняла исходное положение для атаки. В расположении белых было тихо, очевидно, они совершенно не подозревали о нависшей угрозе.

По моему сигналу бригада стремительно ворвалась в Аксай, смяла растерявшуюся от внезапного удара конницу противника и отбросила ее на юг, к хутору Перегрузному. Оставив заслон перед белоказаками силою в два эскадрона и захватив с собой брошенные белыми двенадцать пулеметов и шесть конногорных орудий, бригада всеми силами обрушилась с тыла на Астраханскую пехотную дивизию генерала Виноградова. Разгорелся исключительный по своему ожесточению бой. В составе Астраханской пехотной дивизии преобладали офицеры-добровольцы, действовавшие в качестве солдат. Они дрались исключительно упорно: раненые не выпускали оружия из рук, пока в силах были держать его.

Руководя боем, я натолкнулся на трех раненых офицеров. Обнявшись, они тяжело шагали и из последних сил тянули за собой пулемет «кольт». Увидев меня, они упали на землю, и один из них, раненный в живот, судорожно припал к пулемету. Он успел открыть огонь и убить лошадей подо мной и под моим ординарцем. Но мы с ординарцем бросились на белогвардейцев, и развязка произошла очень быстро.

Пока внезапно атакованный с тыла противник отчаянно отбивался от нас, 1-я Донская стрелковая дивизия перешла в наступление и атаковала его с фронта. Двойным ударом, с тыла и с фронта,

Астраханская дивизия, несмотря на ожесточенное сопротивление, была разгромлена. Мы захватили пленных, в том числе много офицеров. В наших руках оказались двенадцать орудий, двадцать один пулемет и весь штаб дивизии во главе с его начальником. Генералу Виноградову, к нашему сожалению, удалось скрыться.

К.Е. Ворошилов, осуществлявший общее руководство операцией, высоко оценил действия кавалерийской бригады. В приказе по войскам 10-й армии от 27 ноября 1918 года он отметил боевую доблесть красных кавалеристов. Многие бойцы и командиры были предо-

ставлены к наградам. Наградили орденом Красного Знамени и меня. Кроме того, Реввоенсовет 10-й армии наградил меня почетным боевым оружием – шашкой, которая теперь хранится в музее обороны Сталинграда (Царицына).

В бою под Гнилоаксской я впервые встретился с 1-м Крымским конногвардейским советским полком, находившимся в составе наших войск, оборонявших Царицын. В разгаре боя с Астраханской дивизией Виноградова я выскочил на правый фланг бригады. Вдруг в стороне сквозь начавшуюся снежную метель показалась колонна конницы. «Белые», – подумал я, но, подъехав ближе, увидел, что это красные конники.

– Что за часть? – спросил я.

– Крымский советский полк. Сбились с направления.

Разговаривать времени не было.

– Вон видите хутор? Там белые. Отрезать им путь отхода и разгромить!

Через несколько минут полк вступил в бой. Бойцы полка под руководством своего командира С.К. Тимошенко дрались с врагом отважно. Они отрезали путь отхода противнику, находившемуся в хуторе Хлебном. После боя я ближе познакомился с полком. В его состав входили эскадроны бывшего Крымского полка старой русской армии и Сербский кавалерийский дивизион. Командовал дивизионом выдающийся боец-интернационалист серб Данило Сердич.

На всю жизнь у меня и у всех, кто знал Сердича, останется образ этого замечательного товарища – человека большой выдержки и скромности, прекрасного друга, храброго и талантливого командира, посвятившего свою жизнь борьбе за советскую власть вдали от своей родной Сербии. Все сербы, сражавшиеся под командованием Сердила, были людьми, готовыми к самопожертвованию ради победы пролетарской революции.

Выступая перед своими бойцами, я говорил:

– Вот видите этих людей – сербов. У них нет в России родных, никого у них нет тут, а как храбро дерутся они. Это настоящие интернациональные бойцы, революционеры.

То же самое я могу сказать и о хорватах, черногорцах, словенцах, венграх, чехах, словаках, поляках, немцах, болгарях и других интернациональных бойцах, которые в наших рядах мужественно сражались за первое в мире рабоче-крестьянское государство.

Успешные действия кавалерийской бригады против казачьих частей в районе Абганеро-Акса, Гнилоаксской, Самохин, Жутов второй убедительно доказывали высокую боеспособность красных кавалерийских частей. Эти бои позволяли сделать вывод, что если бы Красная Армия смогла противопоставить многочисленной белой коннице свои крупные кавалерийские массы, инициатива была бы вырвана из рук противника.

Так считали К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин и другие руководители 10-й армии, но иначе думал наркомвоенмор Троцкий, приехавший в Царицын перед боями в районе Гнилоаксской. Нам было известно, что он присутствовал на заседании Реввоенсовета 10-й армии и устроил «разнос» нашему командованию за пассивные действия армии. В ответ на это Реввоенсоветом был представлен отчет, раскрывающий соотношение сил наших и противника. Особенно «бледно» выглядели мы в соотношении сил конницы. Противнику, располагавшему многими конными корпусами, мы могли противопоставить, кроме стрелковых дивизий, одну кавалерийскую бригаду и несколько малочисленных частей войсковой конницы.

В Абганеро наша кавбригада была представлена Троцкому. Осмотрев бригаду, он выступил перед бойцами с речью, в которой назвал бригаду «примой в общем ансамбле боя».

Воспользовавшись случаем, я обратился к Троцкому – попросил его разрешить высказать свое мнение относительно создания в нашей Красной Армии крупных кавалерийских соединений.

– А в чем оно заключается? – спросил он.

– Учитывая большой размах войны, принявшей маневренный характер, и то, что у противника главную роль играет массовая казачья конница, нам бы нужно создать свою массовую кавалерию, сведенную в дивизии и корпуса...

– Товарищ Буденный, – прервал меня Троцкий, – отдадите ли вы отчет в своих словах? Вы не понимаете природы кавалерии. Это же аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. И незачем нам с мужицким лаптем соваться в калашный ряд.

Были ли это собственные взгляды наркомвоенмора? Скорее всего, ответ Троцкого отражал мнение окружавших его военспецов, которые всячески тормозили создание советской кавалерии – одни сознательно, работая в интересах врага, другие, «добросовестно» заблуждаясь в определении роли кавалерии в Гражданской войне. Но те и другие так или иначе действовали на руку Деникину.

Ведь в чем заключался секрет успеха белых в то время?

Гражданская война сразу же приняла маневренный характер. Это была война на широких просторах с весьма условной линией фронта; бои велись за наиболее важные города, железнодорожные узлы, села; всегда существовала возможность обхода, охвата, удара по флангам и тылам. Совершенно очевидно, что в такой войне маневр должен был приобрести решающее значение, а носителем маневра был наиболее подвижный в то время род войск – кавалерия.

Располагая преимущественно кавалерийскими частями и соединениями, белые быстро производили нужную им перегруппировку войск и превосходящими силами наносили удар по наиболее слабому месту нашего фронта. В случае неудачи в бою они оставляли перед нашими войсками небольшой конный заслон, а основными силами уходили, чтобы создать необходимую группировку и нанести новый удар в более опасном для нас направлении.

Наши же стрелковые части, ограниченные в маневре, не могли своевременно сосредоточиться на угрожаемом участке фронта, либо быстро уйти из-под удара белой конницы. Даже выиграв бой, мы часто не могли добиться полной победы, так как наша малоподвижная пехота была не в состоянии вести эффективное преследование конницы с целью окружения ее и уничтожения. Для выполнения этих задач нам нужна была своя массовая конница, то есть не отдельные конные части, входящие в состав стрелковых дивизий, решающие задачи в их интересах, а крупные соединения стратегической конницы, способные решать любые задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии с пехотой, в интересах армии и фронта.

Опыт начала Гражданской войны убеждал меня, что массированное применение конницы, особенно для развития успеха пехоты и ударов во фланг и тыл, часто приводит к полному разгрому противника. Белые, в частности на Южном фронте, добивались успеха именно потому, что их войска состояли преимущественно из крупных конных казачьих соединений. Надо было лишить врага этого козыря.

Обстановка властно требовала создания крупных кавалерийских соединений, однако это было сопряжено с большими трудностями.

Красная Армия создавалась в боях, времени на организацию ее было очень мало. Объединение партизанских отрядов и реорганизация их в регулярные части и соединения происходили, что называется, на ходу.

Кроме того, после Октябрьской резолюции почти весь офицерский состав кавалерии старой армии оказался в контрреволюционном лагере. А наши командиры, вышедшие из масс трудового народа, в большинстве своем недостаточно знали военное дело. Многие из них оказались талантливыми организаторами, но искусству воевать им впервые пришлось учиться уже на поле боя. На первых порах некоторые наши командиры, даже старшие, не всегда правильно разбирались в принципах использования в бою родов войск, в частности кавалерии. Были и такие, которые сознательно или несознательно препятствовали организации частей и соединений кавалерии.

В то время, будучи заместителем командира кавалерийской бригады, я мог ставить вопрос об организации кавалерийских соединений только через своих непосредственных начальников – Думенко и Шевкоплясова. Но эти люди, занимавшие значительные командные посты, не только не содействовали, но в меру своих сил препятствовали развитию кавалерии.

Однако и после неудачной попытки обратиться по этому вопросу к Троцкому мысль о создании крупных кавалерийских соединений, хотя бы для начала кавдивизии, не оставляла меня. И вот в конце ноября, когда белогвардейцы на всем фронте 10-й армии были отброшены за Дон и наша бригада, выведенная в резерв армии, сосредоточилась в районе Дубовый овраг, Большие и Малые Чапурники, поблизости с Реввоенсоветом армии, я решил при удобном случае доложить по этому вопросу Сталину и Ворошилову. Высокая оценка ими роли кавалерии 1-й Донской стрелковой дивизии позволяла надеяться, что вопрос будет решен положительно. Случайная встреча с конницей стрелковой дивизии Жлобы побудила меня поскорее осуществить свое намерение.

Как-то, проезжая по линии фронта, я увидел такую картину: в одиночных окопах сидят бойцы, и каждый сидящий в окопе держит за повод лошадь. Далеко, насколько может охватить глаз, тянется линия одиночных окопов и одиноко маячат за ними лошади. Подъезжаю к бойцам и спрашиваю:

– Что же вы, товарищи, здесь делаете?

– Как что? – удивляются бойцы. – Нечто не видишь – обороняемся.

– Как же это вы обороняетесь?

– Да так вот и обороняемся. Шо пытаешь? Видишь, не галушки варемо, – кидая на меня сердитый взгляд, говорит боец-украинец.

– Так вы что – кавалеристы или пехота?

– Да ты ослеп чи шо? – сердится боец и как бы в подтверждение, что он кавалерист, дергает свою лошадь за повод.

– Ну, вижу, что кавалерист, – примирительно говорю. – Я тоже кавалерист, однако еще не встречал такой обороны кавалерии. Перебьют ваших лошадей белые, и придется вам скакать верхом на палочке.

– Це не наше дило, – заключает украинец.

Это и была кавалерия стрелковой дивизии Жлобы, недавно прибывшей с Северного Кавказа. Странная оборона, которую она занимала, называлась «обороной кавалерии на широком фронте».

Доложив об этом Реввоенсовету 10-й армии, я высказал свои соображения об организации кавдивизии.

Вероятно, мой доклад сыграл какую-то роль, так как вскоре руководители обороны Царицына приняли решение о создании кавалерийской дивизии.

28 ноября кавбригада была реорганизована в сводную кавалерийскую дивизию двухбригадного состава. 2-я бригада сформировалась за счет трех полков кавалерии дивизии Жлобы и 1-го Крымского полка.

Начдивом назначили Думенко, меня – начальником Штаба, потому что по организационной структуре заместитель или помощник начдива не полагался. Однако Думенко вскоре заболел тифом, и командовать дивизией пришлось мне.

Командирами бригад были назначены: 1-й – Городовиков (помощником его Маслаков), 2-й – Тимошенко (помощником его – Сердич).

Командирами полков: 1-го – Стrepухов, 2-го – Гончаров, 3-го (основой которого был Крымский кавполк) – Вербин, 4-го – Степанов.

В составе кавалерийского полка по-прежнему осталось пять эскадронов, в эскадроне по четыре взвода. Состав взвода определен в пятьдесят кавалеристов с одним станковым пулеметом на тачанке.

Дивизия имела артиллерийский дивизион четырехбатарейного состава (в батарее четыре пушки) с тем, чтобы каждому кавполку можно было придать по батарее. Артиллерия являлась огневым средством начдива. Кроме того, в распоряжении начдива имелся

Особый резервный кавалерийский дивизион трехэскадронного состава (эскадроны того же состава, что и в полках).

Созданием сводной кавалерийской дивизии было, по существу, положено начало созданию стратегической конницы в Красной Армии. Если кавалерийские полки и бригады, входившие в состав стрелковых дивизий, выполняли задачи в интересах своей дивизии, то сводная кавалерийская дивизия должна была выполнять задачи командующего армией в интересах армии и фронта.

IV. Разгром белой армии Краснова

1

К началу 1919 года в связи с революцией в Германии и отводом немецких войск с Украины и из западной части Донской области левый фланг красновской контрреволюционной армии оказался обнаженным. Создавалась реальная возможность удара советских войск на Донбасс и выхода их на тылы белых войск, действовавших в направлении Царицына. Предвидя эту опасность, Краснов в качестве контрмеры усилил нажим на Царицын. Воспользовавшись отходом 9-й Красной армии на север, белые вышли на правый фланг 10-й армии и сосредоточили крупные конные массы к северо-западу от Царицына.

Уже в первой половине января 1919 года положение на фронте 10-й армии стало очень тяжелым. Противник перешел в наступление и, отбросив наши части на севере от Царицына, вышел к Волге, захватив Дубовку. С захватом Дубовки белые отрезали от общего фронта 10-й армии Камышинский боевой участок и завершили полуокружение Царицына. Одновременно противник активизировал свои действия и против центрального участка обороны 10-й армии.

Положение на фронте осложнялось с каждым часом. К этому времени командование 10-й армии сменилось. Ворошилов и Сталин были отозваны Центральным Комитетом партии на другую работу. Командующим армией назначили Егорова, членами Реввоенсовета – Сомова, Лёграна и Ефремова.

В ночь на 10 января А.И. Егоров созвал совещание командиров дивизии и начальников боевых участков⁶.

Я также присутствовал на этом совещании как исполняющий обязанности начальника кавалерийской дивизии.

Совещание было коротким. Командующий изложил общую политическую и боевую обстановку и потребовал от командиров всех степеней самых энергичных действий. Несколько человек выступили и заверили Реввоенсовет армии в твердой воле бойцов и командиров стоять насмерть и не допустить врага в Царицын.

Затем перед частями, соединениями и боевыми участками были поставлены конкретные задачи. Когда очередь дошла до нашей кавдивизии, командующий пригласил меня поближе к себе и поставил следующую задачу: 1-й кавбригаде под моим командованием возможно быстрее погрузиться в вагоны на станции Сарепта и по железной дороге направиться в Гумрак; в Гумраке выгрузиться и, действуя через Городище в направлении Орловка, Ерзовка, Пичуга, овладеть Дубовкой. Главная цель в этой операции – уничтожить противника в Дубовке, овладеть ею и тем самым восстановить положение на северо-востоке от Царицына, соединив Камышинский боевой участок с общим фронтом обороны армии.

2-я бригада кавдивизии и отдельный кавполк Попова 1-й Донской стрелковой дивизии временно сводились в конную группу южного боевого участка. Командира этой конной группы Егоров приказал мне назначить по своему усмотрению.

Поставив задачу, командующий спросил меня, все ли мне понятно. Я ответил, что артиллерия противника обстреливает железнодорожное полотно, в связи с чем считаю переброску кавбригады по железной дороге рискованной. Кроме того, погрузка и выгрузка кавбригады займут много времени.

⁶ Боевой участок представлял определенное направление – западное, южное и т. д. Начальнику боевого участка подчинялись две-три дивизии.

По этим соображениям, сказал я, считал бы наиболее целесообразным двинуться кавбригаде из Больших и Малых Чапурников на Гумрак походным порядком, под прикрытием темноты. Я заверил командующего, что кавбригада, двигаясь походным порядком, к исходу ночи будет в Гумраке и приступит к выполнению поставленной ей задачи.

Егоров вначале не соглашался со мной, а потом сказал:

– Хорошо, действуйте, да только не медлите ни минуты. Положение на нашем правом фланге очень тяжелое.

На рассвете 10 января, вернувшись в расположение дивизии, я вызвал к себе на совещание командиров бригад, полков, их заместителей, военкомов частей и начальников штабов, информировал их об обстановке и о той общей задаче, которую Реввоенсовет поставил перед всеми частями армии, – во что бы то ни стало сорвать новое наступление противника на Царицын. Я сказал, что все присутствовавшие на совещании в Реввоенсовете от имени подчиненных им бойцов и командиров дали обещание стоять под Царицыном насмерть.

Далее я изложил суть поставленной командармом задачи нашей дивизии и дал указания о подготовке 1-й бригады к операции.

Командиры частей заявили, что они приложат все силы для успешного выполнения боевой задачи. Вместе с тем некоторые высказали беспокойство по поводу упорных слухов, что командующий 10-й армией Егоров – бывший царский генерал и что с ним в Царицын прибыли сто восемьдесят бывших офицеров: теперь, мол, жди предательства.

В ответ на это я сказал, что слухи о каких-то царских офицерах, приехавших с Егоровым, – ложь, и тех, кто ее распространяет, нужно судить как агентов врага, и рассказал все, что узнал в Царицыне о новом командующем армией: бывший полковник, в 1907 году уволен из армии за революционные высказывания и принадлежность к партии эсеров, потом работал в разных местах, даже в театре артистом. Он, несомненно, пользуется доверием партии, если в такой напряженный период борьбы с белогвардейцами направлен в Царицын командующим армией.

– Лично мне, – сказал я, – Егоров понравился. Правда, строгий, но, видно, дело знает хорошо. Говорят, что воевал против Колчака, и неплохо.

– Строгий – это хорошо, – вставил Ока Иванович Городовиков. – Нашего брата тоже в руках держать надо.

– Вот именно, – добавил я. – А то куда это годится: некоторые командиры бросили свои подразделения в окопах, а сами помчались в Царицын поглядеть, нет ли генеральских лампасов на брюках Егорова.

Высказанное товарищами беспокойство в связи со сменой командования армией и ложными слухами о прибытии в армейский аппарат бывших офицеров мне было понятно. Подавляющее большинство наших командиров, в прошлом унтер-офицеров, фельдфебелей, а то и рядовых солдат, имело более чем достаточно оснований относиться к бывшим офицерам с такой же классовой враждебностью, с какой они, выходцы из среды рабочих и крестьян, относились к помещикам и капиталистам: ведь офицеры в царской армии были для нас представителями тех же помещиков и капиталистов.

Неудивительно, что враги советской власти решили воспользоваться полковничьим званием Егорова для распространения слухов, с помощью которых они рассчитывали расшатать революционную дисциплину и вывести красные части из подчинения их командованию. Но как ни волновали эти слухи многих бойцов и командиров, вражеский маневр не удался: влияние партии в частях 10-й армии в то время было достаточно сильным, чтобы противостоять контрреволюционной пропаганде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.